

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ
КАЗАХСТАН**

ИННОВАЦИОННЫЙ ЕВРАЗИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Ә. Мұхамедрахим

**СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ В
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ**

Магистерская диссертация на соискание
академической степени магистра гуманитарных наук
по специальности 6М020500 – Филология

ПАВЛОДАР – 2014

Министерство образования и науки Республики Казахстан

Инновационный Евразийский университет

Допущен (а) к защите:
зав. кафедрой «Журналистика и
русская филология»,
доктор филологических наук,
профессор

_____ А.Р.Бейсембаев

« ____ » _____ 20 ____ г

Магистерская диссертация

**СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ В
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ**

специальность 6М020500 – «Филология»

Магистрант _____ Ә. Мұхамедрахим

Научный руководитель,
доктор филологических наук _____ А.Р. Бейсембаев

ПАВЛОДАР – 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
1 Теоретические основы категории модальности в лингвистической литературе	6
1.1 Лингвистическая трактовка категории «модальность».....	6
1.2 Дифференциация категории модальности.....	12
1.3 Модальные слова как маркер субъективной модальности.....	13
1.4 Соотношение вводных и вставных конструкций как средств экпликации субъективной модальности.....	24
2 Объективная и субъективная модальность в публицистическом дискурсе: семантика и прагматика.....	26
2.1 Место семантики и прагматики в современной лингвистической парадигме.....	26
2.2 Модальность публицистического текста.....	29
2.3 Ипостаси образа автора в публицистическом тексте.....	33
2.4 Экспрессивные средства выражения авторской позиции в газетном тексте.....	40
2.5 Объективные и субъективные смыслы в семантической структуре предложений с вводными конструкциями.....	45
2.5.1 Авторизация в предложениях с вводными конструкциями.....	49
2.5.2 Вводные конструкции как средства выражения модусных смыслов предложения.....	56
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	63
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	66

ВВЕДЕНИЕ

Современный этап развития лингвистической науки характеризуется взаимодействием различных направлений в изучении языка. В качестве одной из основных составляющих современной лингвистики является антропоцентризм, активизировавший интерес к личностным и социальным сторонам деятельности человека.

Идею антропоцентричности языка в настоящее время можно считать общепризнанной: для многих языковых единиц (слов, предложений, текста) представление о человеке выступает в качестве естественной точки отсчета. В антропоориентированных исследованиях пристальное внимание уделяется «человеческому фактору», ибо для того, чтобы понять и познать язык, нужно обратиться к его носителю – человеку, говорящей и мыслящей личности. Антропоцентрический подход к анализу языка ставит целью изучение взаимосвязей языка и человека, семантической стороны языковых единиц, специфики проявления в них объективного и субъективного содержания, т.е. «языковых следов присутствия говорящего в предложении». Именно в рамках данного подхода понятия «автор», «образ автора» являются ключевыми в современном языкознании.

Категория образа автора является одним из компонентов субъектной организации текста (публицистического – не исключение). Так, по мнению Н.Д. Арутюновой, публицистический текст «погружен в жизнь», «он существует только тогда, когда существует сама жизнь, он обращен не в прошлое и не может накапливать историю, а существует в настоящем» [1, с. 137], «всегда является «авторским», независимо от того, насколько явно субъект высказывания присутствует в ткани текста. Читатель получает в нем факты и их интерпретацию, даже если она будет выражаться просто в отборе информации» (Е.С. Щелкунова).

Отражение действительности в текстах является важной задачей журналиста, но публицистика по природе своей предполагает осмысление, оценку этих фактов, и, следовательно, присутствие автора в тексте. Читая современный публицистический текст, читатель не только становится очевидцем описываемых событий, но и видит текстовое отражение авторской личности, его самосознания, позиции, творческой индивидуальности.

Для целого ряда работ, посвященных изучению различных аспектов категории модальности, характерно разграничение объективных и субъективных модальных «значений», что легло в основу выделения двух типов модальности:

- 1 объективной;
- 2 субъективной.

До недавнего времени способы выражения как объективной, так и субъективной модальности, изучались, главным образом, на уровне слова и словосочетания, простого и сложного предложения. Исследования влияния отдельных способов выражения субъективной модальности на общую модальность текста немногочисленны, и выполнены они, в основном, на

материале научных текстов. Средства выражения субъективной модальности в текстах газет являются недостаточно полно описанными. Необходимость изучения модальности в данных типах текстов обусловлена также важностью явления модальности как одного из категориальных признаков текста, выступающего главным смысловым параметром публицистического стиля.

Интерес к лингвистическому анализу публицистических текстов как образцу особого функционального стиля возрастает в соответствии с развитием современного общества, поскольку газеты, представляя одно из средств массовой коммуникации, быстро реагируют на происходящие в мире события, активно участвуют в формировании общественного мнения. Газетный стиль выступает своеобразным лингвистическим индикатором языкового развития общества.

В связи с этим исследование способов выражения авторской модальности в ограниченной по функционально-стилистическому признаку группе текстов, а именно установление особенностей их употребления в газетных статьях современного русского языка является **актуальным**.

Целью данной работы является исследование способов выражения авторской модальности в публицистическом тексте.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

- уточнить содержание основных понятий – модальность, образ автора, субъективная модальность, публицистический текст;
- выделить основные и факультативные механизмы создания формирования авторского «Я» в публицистическом тексте;
- показать разнообразие языковых средств, актуализирующих авторскую модальность в пространстве медиа-дискурса;
- выявление основных моделей синтаксических конструкций, с помощью которых выражается авторская модальность в текстах газет.

Объектом исследования является современный публицистический текст в совокупности экстралингвистических, прагматических и социокультурных факторов.

Предмет исследования – языковые и речевые средства выражения авторского смысла в газетном тексте.

Научная новизна работы связана:

- с исследованием модальной специфики медиа-текста;

- выявлением и описанием языковых и речевых механизмов авторского смысла на материале современной публицистики;
- авторская позиция рассматривается как текстообразующий фактор газетного жанра;
- в основе языковых и речевых механизмов создания авторского смысла лежит коннотативная ассоциативность, которая возникает при интерференции имплицитных смыслов, знаковых образов и понятий и аксиологической сущности авторской модальности.

Теоретическая значимость диссертационного исследования определяется:

- ее включенностью в круг работ по теоретической разработке проблем исследования смысловой структуры текста в рамках функционального подхода;
- в расширении представлений об имплицитной природе авторской модальности в публицистическом тексте;
- в подробном освещении разнообразных языковых и речевых механизмов реализации субъективной направленности публицистического текста;
- в полном представлении сущностных характеристик и особенностей выражения субъективной модальности в публицистическом тексте.

Практическая значимость настоящей работы связана с возможностью использования ее результатов в практике преподавания современного русского языка в русскоязычной и в иностранной аудитории, что послужит расширению языковой и культурной компетенции студентов, так как способствует презентации механизмов авторского «кодирования» речи, отражающих многообразие стереотипов и особенностей национального менталитета. Кроме того, материалы диссертации могут найти применение при чтении лекционных курсов и проведении практических занятий по лингвистическому анализу текста, стилистике и культуре речи, лингвокультурологии.

Положения, выносимые на защиту:

- 1 Модальность текста является одной из его категорий, выражающей субъективно-оценочное авторское отношение к информации, заложенной в тексте.
- 2 В плане содержания авторская модальность публицистического текста характеризуется наличием авторского отношения к содержанию сообщения.

- 3 Авторская модальность в публицистическом тексте маркируется модальными словами, словосочетаниями, частицами, модальными глаголами, конструкциями с прилагательными, конструкциями с переходными глаголами, вводно-модальными предложениями.

Структура работы. Диссертация состоит из Введения, двух глав, Заключения, списка литературы и словарей, списка используемых газетных материалов, списка сокращений.

1 Теоретические основы категории модальности в лингвистической литературе

1.1 Лингвистическая трактовка категории «модальность»

Понятие «модальность» перенесено в лингвистику из логики. Понимание категории модальности в лингвистической литературе неоднозначно: от традиционного изучения модального значения различных единиц языка до содержательной разработки модальности текста. «В языкознании нет единого мнения по самым основным вопросам, касающимся сущности этой категории, ее отношения к модальности мысли, типов модальности предложения, ее отношения к предикативности и т.п.» (В.З. Панфилов). На многообразие воззрений и важность изучения модальности указывает М.Н. Кожина: «Особое положение занимает категория модальности (особенно при включении в нее субъективной модальности). Она – и собственно (узко) языковая категория, то есть проявляющаяся в модели языка, так сказать, дотекстового уровня, то есть чисто грамматическая модальность» [2, с. 101].

Модальность, по мнению В.В. Виноградова, является одной из основных, центральных языковых категорий, «обнаруживающихся в языках разных систем». «Любое целостное выражение мысли, чувства, побуждения, отражая действительность в той или иной форме высказывания, облекается в одну из существующих в данной системе языка интонационных схем предложений и выражающих одно из тех синтаксических значений, которые в своей

совокупности образуют категорию модальности» [3, с. 53]. Отражение в речи объективной действительности, а также участие субъекта речи в этом процессе и определяет сущность модальности, которую в самом общем виде можно представить как выражение субъективного и объективного в языке.

Накопленный лингвистический опыт был суммирован и систематизирован в «Грамматике русского языка» (1960) (акцент сделан на средствах выражения категории модальности: вводные слова, словосочетания, предложения и вставные конструкции), но определение самой категории модальности на тот момент еще сформулировано не было.

Первая попытка лексикографической кодификации категории модальности встречается в «Словаре лингвистических терминов» (1969) О.С. Ахмановой: «Модальность англ. *modality*, понятийная категория со значением отношения говорящего к содержанию высказывания и отношению содержания высказывания к действительности (отношение сообщаемого к его реальному осуществлению), выражается различными грамматическими и лексическими средствами, такими как форма наклонения, модальные глаголы и т.д.» [4, с. 237].

Безусловно, ценным является попытка авторов данного определения дать видовую классификацию категории модальности:

- модальность гипотетическая (*hypothetical*) – представление содержания высказывания как предположительного;
- модальность глагольная (*verbal*) – модальность выражаемая глаголом;
- модальность ирреальная (*unreal*) – представление содержания как невозможного, неосуществленного;
- модальность отрицательная (*negative*) – представление содержания высказывания как не соответствующего действительности.

При этом следует сказать, что данное деление модальности по видам базируется не на едином основании.

Авторы «Грамматики современного русского литературного языка» (1970) идут дальше и отмечают в предложении два различных типа модальных значений: объективно-модальное значение, которое относит сообщение к тому или иному плану действительности и субъективно-модальное значение (которое факультативно), т.е. выражение отношения говорящего к тому, что он сообщает. «К широкому кругу субъективно-модальных значений относятся значения усиления (подчеркивания, акцентирования), экспрессивной оценки, уверенности или неуверенности (определенности или неопределенности), принятия или непринятия (согласия или несогласия) и др.» [5, с. 611]. Объективно-модальное значение предложения, указанное в этой «Грамматике» соотносится со значением отношения содержания высказывания к действительности в определении О.С. Ахмановой, субъективно-модальное значение – соответственно с первой частью определения. В «Грамматике современного русского литературного языка» даются более многочисленные средства выражения категории модальности, чем в предыдущей «Грамматике» (1960). Таким образом, введение субъективно-модального значения в общую

теорию модальности явилось важным шагом, символизирующим переход от предложенческой парадигмы исследования категории модальности к текстовой.

В энциклопедии «Русский язык» модальность определяется, как «название круга явлений, неоднородных по смысловому объему, грамматическим свойствам и по степени оформленности на разных уровнях структуры языка» [6, с. 145]. Следует отметить весьма абстрактный характер данного определения, не дающего ясного понимания явления, о котором идет речь.

«Русская грамматика» (1980) указывает на многозначность термина «модальность»: «им называются разные явления, объединенные тем признаком, что все они так или иначе – грамматически, лексически, интонационно – выражают отношение говорящего к сообщаемому или сообщаемого к действительности» [7, с. 214]. В настоящей дефиниции отражена сущность термина «модальность», заключающаяся в выражении отношения говорящего к сообщаемому или сообщаемого к действительности. Автор статьи, Н.Ю. Шведова, разграничивает, по меньшей мере, четыре круга явлений, которые относятся к сфере модальности:

- значение реальности / ирреальности (реальность обозначается синтаксическим индикативом – временами настоящим, прошедшим и будущим; ирреальность – ирреальными наклонениями: сослагательным, условным, желательным, побудительным, долженствовательным);
- субъективно-модальные значения, т.е. отношение говорящего к сообщаемому;
- в сферу модальности включаются слова – глаголы, краткие прилагательные и предикативы, которые своими лексическими значениями выражают возможность, желание, долженствование, необходимость, вынужденное предстояние, готовность;
- значения, относящиеся к сфере утверждения, отрицания, вопроса [7, с. 214, 215].

В Лингвистическом энциклопедическом словаре (далее ЛЭС) модальность определяется как «функционально-семантическая категория, выражающая разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды квалификации сообщаемого» [8, с. 303]. В сущности, ЛЭС не отступает от определения модальности, данного в «Русской грамматике» (1980) и также отмечает ее двоякий характер. Разница заключается в том, что в последнем случае модальность рассматривается как функционально-семантическая категория языка, т.е. категория, которая актуализируется разноуровневыми языковыми средствами (морфологическими, словообразовательными, синтаксическими, лексическими, а также комбинированными), которые взаимодействуют на основе общности их функций.

И.Р. Гальперин также придерживается мнения, что «один из наиболее существенных признаков модальности – оценка описываемых фактов» [9, с. 114].

Таким образом, категория модальности выражает отношение сообщения, содержащегося в предложении, к действительности, устанавливаемое с точки зрения говорящего.

Модальность, прежде всего, проявляется на уровне синтаксиса, и обычно она рассматривается в тесной связи с категорией предикативности, которая признается общим свойством предложения, отличающим его от других языковых единиц. Наиболее распространена точка зрения академика В.В. Виноградова, согласно которой «значение и назначение общей категории предикативности, формирующей предложение, заключается в отнесении содержания предложения к действительности, а «общее грамматическое значение отнесенности основного содержания предложения к действительности, составляющее сущность категории предикативности, расчлняясь, выражается в синтаксических категориях модальности, времени и лица».

Исходя из этого положения В.В. Виноградова, высказаны различные толкования относительно соотношения модальности и предикативности и их функционального объема. Так, по мнению В.З. Панфилова, модальность и предикативность – явления одного и того же порядка (отнесенность содержания предложения к действительности), хотя их нельзя отождествлять друг с другом: поскольку предикативность, по мнению авторов грамматики, выражается не только в категории модальности, но и в категориях времени и лица, то есть понятие предикативности оказывается шире понятия модальности. Е.И. Коркина, полностью принимая положение В.В. Виноградова, пишет: «Как очень правильно утверждает за В.В. Виноградовым Н.Г. Агазаде, категория модальности является одним из компонентов языкового выражения категории предикативности, она уже ее по своему функциональному объему и подчиняется ей» [10].

По Д.Э. Розенталю, предикативность – выражение языковыми средствами отношения содержания высказываемого к действительности как основа предложения.

Грамматическими средствами выражения предикативности являются:

- категория времени (все явления действительности происходят во времени, и содержание высказываемого осознается в каком-либо временном плане);
- категория лица (высказывание говорящего сопровождается выражением его отношения к содержанию высказываемому).

При этом важно сказать, что предикативность и интонация сообщения являются общими характерными признаками предложения.

Функциональный объем интонации как средства выражения модальности весьма широк. Без интонационной организации нет предложения как формы речевого общения. «Интонационными средствами устанавливается коммуникативное значение слов в предложении, производится членение предложения и осуществляется его внутреннее единство, достигается законченный характер сообщаемого отрезка мыслительного процесса. Все это определяется главным образом отношением говорящего к сообщаемой

действительности. Богатая гамма модальности инфинитивных предложений в основном выражается интонацией. «Различием интонаций определяются основные функциональные и вместе с тем модальные типы предложений – предложения повествовательные, вопросительные и побудительные», а также их восклицательные разновидности. Благодаря интонации, отдельные слова становятся предложениями. Из них слова-предложения «нередко очень экспрессивные, выражают модальную квалификацию сообщения собеседника и иногда содержат побуждение к какому-нибудь действию; следовательно, они также выражают синтаксическую категорию модальности».

В.В.Виноградов, раскрывая тесную связь предикативности и модальности, говорит только о точке скрещивания этих категорий в глагольном сказуемом, о тесном переплетении их формантов, точнее, о том обстоятельстве, что «в личных формах глагола непосредственно, наглядно, морфологически выражены те грамматические категории лица, времени и модальности, с которыми связано понятие синтаксической предикативности как существенного признака предложения».

Если говорить о соотношении объема категорий модальности и предикативности, то, по мнению В.В. Виноградова и некоторых других ученых, функциональный диапазон первой гораздо шире, чем у второй. Поэтому В.В. Виноградов, во-первых, подчеркивая тесную связь категорий времени и лица с модальностью, указывает, что «... наиболее прямым, постоянным и непосредственным выражением категории предикативности является модальность предложения», во-вторых, считая интонацию одним из средств выражения модальности, ставит знак равенства между интонацией сообщения и предикативностью как между двумя общими характерными признаками предложения. Так, с его точки зрения, интонация сообщения и плюс предикативность – это и есть «совокупность таких грамматических категорий, которые определяют и устанавливают природу предложения как грамматически организованной единицы речевого общения, выражающей отношение говорящего к действительности и воплощающей в себе относительно законченную мысль».

«Если категория предикативности, – подчеркивает В. В. Виноградов, – выражает общую соотнесенность содержания предложения с действительностью, то отношение сообщения, содержащегося в предложении, к действительности – есть, прежде всего, модальное отношение». Суть модального отношения заключается в том, как мыслит, понимает, квалифицирует говорящий свое сообщение, как относится он к действительности, чтобы обеспечить действенность, «актуальность основного средства общения». А предикативность, прежде всего, относится к формированию и воплощению мысли по соответствующим законам и правилам языка. Она тем самым относит высказывание к конкретной действительности, как бы привязывает его к ней, организует грамматически единицу речевого общения. Таким образом, между модальностью и предикативностью есть существенная, принципиальная разница, несмотря на их тесную связь и общие признаки проявления. Если условно распределить функции между

модальностью и предикативностью, то из основных постоянных признаков предложения на долю первой категории приходятся интонация сообщения, определяющая законченность мысли, и иные модальные отношения говорящего, а вторая главным образом обеспечивает грамматическую организацию единицы речевого общения, необходимую для отражения взятого кусочка реальной действительности. Как утверждает В.З. Панфилов, «предикативность есть свойство таких форм мышления и выражающей их языковой единицы, в которых осуществляется акт прямой и непосредственной направленности нашей мысли на действительность».

Однако В.З. Панфилов развивает иную точку зрения на модальность и предикативность, чем В.В. Виноградов. Он расширяет понятие предикативности, считая ее «такой категорией, благодаря которой то или иное высказывание воспринимается как сообщение о действительности». Такой подход у него, как нам кажется, связан с узким пониманием категории языковой модальности.

В целом надо полагать, что традиционное понятие предикативности должно уточняться по мере расширения углубления изучения языковой модальности, так как существующие взгляды на предикативность отражают недостаточную разработанность категории модальности или узкий подход к ней.

Модальность является категорией сознания, она находит свое выражение в суждениях, между которыми устанавливаются различия в зависимости от того, выражают ли они необходимую, должную, вероятную или только возможную связь между логическим субъектом и предикатом.

В лингвистических работах термину «модальность» придают различные значения:

- у одних ученых понятие модальности сводится к грамматическому наклонению;
- другие понятие модальности трактуют очень широко, полагая, что модальность формирует и определяет смысловое единство синтаксического выражения мысли, чувства и волеизъявления.

Академик В.В. Виноградов показал, что модальные отношения в языке являются субъективно-объективными отношениями, и раскрыл многообразие и богатство модальных значений.

В.В. Виноградов, как и академик И.И. Мещанинов, относит модальность к понятийным категориям, передающим понятия, которые «не описываются при помощи языка, а выявляются в нем самом, в его лексике и грамматическом строе...», «... получают свое выражение в языке, в его материальной части, в корне-слове и в действующих синтаксических системах передачи сочетаний слов». Следовательно, категория модальности считается однотипной с категориями абстрактности, вещественности, конкретности, личности, множественности, одушевленности, предметности, притяжательности, собирательности и т.п.

Таким образом:

- модальность является языковой универсалией, она принадлежит к числу основных категорий естественного языка, в языках европейской системы она, по словам В. В. Виноградова, охватывает всю ткань речи;
- в лингвистике под модальностью понимают функционально-семантическую категорию, выражающую разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого;
- термин «модальность» используется для обозначения широкого круга явлений, неоднородных по смысловому объему, грамматическим свойствам и по степени оформленности на разных уровнях языковой структуры;
- модальность, прежде всего, проявляется в предложении, включающее в себя, как существенный конструктивный признак, модальное значение, т.е. содержит в себе указание на отношение к действительности;
- модальными различиями определяются типы предложений;
- категория модальности предложения принадлежит к числу основных, центральных языковых категорий, которая «ярче всего и многообразнее выражается интонационным способом».

1.2 Дифференциация категории модальности

Модальность на уровне предложения-высказывания определяется обычно как категория, выражающая отношение говорящего к содержанию высказывания (субъективная модальность) и отношение содержание высказывания к действительности (объективная модальность), следовательно, категория модальности дифференцируется на два вида: объективную и субъективную.

По мнению Д. Э. Розенталя, объективная модальность – это выражение отношения сообщаемого к действительности (реальность или нереальность, возможность или невозможность, необходимость или вероятность и т. д.), грамматические средства выражения которой – категория наклонения, категория времени, различные типы интонации (интонация сообщения, интонация вопроса) и др.

Объективная модальность является обязательным признаком любого высказывания и формирует предикативную единицу (предложение). Объективная модальность выражает отношение высказывания к действительности в плане реальности / ирреальности. Эта функция объективной модальности грамматикализована и представлена противопоставлением форм синтаксического изъявительного наклонения формам ирреальных синтаксических наклонений (сослагательного, условного, желательного, побудительного, долженствовательного). Категория изъявительного наклонения характеризуется временной определенностью, в то время как все ирреальные наклонения временной определенности не имеют. Поскольку объективно-модальные значения выявляются в грамматической

парадигме предложения и «встроены» в форму сказуемого, то некоторые ученые называют объективную модальность первичной модальностью.

Д.Э. Розенталь считает, что субъективная модальность – это выражение отношения лица говорящего к сообщаемому, проявляющееся в уверенности или неуверенности, согласии или несогласии, экспрессивной оценке. По мнению ученого, к языковым средствам выражения субъективной модальности относятся:

- порядок слов;
- интонация (интонация восклицания, интонация, выражающая радость, сожаление, сомнение, удивление, уверенность, неуверенность, иронию и т.д.);
- лексические повторы;
- модальные слова и частицы;
- междометия;
- вводные слова и словосочетания, вводные предложения.

Субъективная модальность, то есть отношение говорящего к сообщаемому, не является обязательным признаком высказывания. Она образует в предложении второй модальный слой, и иногда называется вторичной модальностью. Ее семантический объем значительно шире семантического объема объективной модальности. Значения, составляющие содержание субъективной модальности, далеко не однородны, и, как пишет М.В. Ляпон, требуют упорядочения. Необходимо отметить, что в категории субъективной модальности заключено антропоцентрическое свойство языка, которое проявляется в противопоставлении концептуального начала нейтрально-информационной фону.

Смысловой основой субъективной модальности является оценка в широком смысле слова (как рациональная, так и эмоциональная). Так, энциклопедия «Русский язык» и ЛЭС рассматривают лишь некоторые способы субъективной квалификации сообщаемого:

- модальные слова;
- словосочетания и предложения;
- модальные частицы;
- междометия;
- интонационные средства;
- словопорядок;
- специальные синтаксические конструкции.

В русском языкознании глубокий анализ функционального диапазона модальности, в частности, конкретных форм проявления субъективной модальности на разных уровнях языковой системы представлен в работе В.В. Виноградова. Именно эта работа послужила стимулом для ряда исследований, направленных на углубление поиска собственно языковых аспектов изучения модальности (в отличие от логической модальности), а также на изучение специфики оформления этой категории в условиях конкретного языка с учетом его типологических особенностей.

1.3 Модальные слова как маркер субъективной модальности

В грамматическое учение об этих модальных словах внес А.А. Потебня, который доказал происхождение модальных слов из вводных предложений и подчеркивал их независимое положение среди других частей предложения (дальнейшее развитие концепция А.А. Потебни получила в трудах Д.Н. Овсянико-Куликовского и А.М. Пешковского).

В составе модальных слов отмечались следующие черты:

- тесная связь многих модальных слов с наречиями обстоятельственными и качественно–определительными, совмещение многими наречиями функций модальных слов;
- наличие большого количества модальных частиц;
- однородность функций модальных слов и частиц с формами глагольного наклонения. Относясь ко всему предложению и выражая возможность, нереальность, достоверность и т.п., модальные слова и частицы оттеняют значения глагольного наклонения или определяют модальность высказывания в целом;
- функциональная близость модальных слов и частиц к вводным предложениям.

Особое внимание уделяли в своих трудах вводным предложениям и вводным членам предложения русские грамматисты И.И. Мещанинов и А.А. Шахматов. Так, И.И. Мещанинов заметил, что они не входят в состав предложения, и передают «субъективное отношение говорящего ко всему содержанию его высказывания или его эмоционально–волевое выражение. Они стоят по своему смысловому значению в непосредственных отношениях к основной мысли общего контекста приведенного отрезка речи» [11, с. 126]. Например:

1) *Я, конечно, поеду в Москву.* В данном примере субъективное отношение автора выражается через модальное слово «конечно», которое, в определении И.И.Мещанинова, вводный (обособленный) член субъективного отношения;

2) *Ах, как это хорошо!* Междометие «ах» привнесло в высказывание эмоционально-волевой оттенок. Такие компоненты определены И.И.Мещаниновым, вводные (обособленные) члены эмоционально-волевого отношения.

Модальные слова представляют особый лексико-грамматический класс слов, а также функционально близкие к ним словосочетания и предложения. Эта точка зрения получила всеобщее признание с выходом работы В.В. Виноградова «О категории модальности и модальных словах в русском языке» [3]. В.В. Виноградов рассматривал модальность как понятийную категорию, характеризующую все предложение в целом. При этом отмечалось, что модальность, выражаемая модальными/вводными словами и синтагмами, представляет собой совершенно иной тип, чем модальность, выраженная в предикате, и что модальные оттенки, возникающие в предложении благодаря включению в его состав этих синтагм, «образуют как бы второй слой

модальных значений в смысловой структуре высказывания, так как они накладываются на грамматический грунт предложения, уже имеющего модальное значение» [3, с. 70].

Традиционно вводными считаются как слова, сочетания слов, предложения, которые выражают отношение говорящего к высказанному, дают общую оценку сообщения, а также указывают на источник сообщения, связь с контекстом и т.д. [12, с. 249; 224]. Е.С. Скобликова дает такое определение вводных слов: «Вводные слова – это несколько функционально-семантических разрядов слов и словосочетаний, которые выражают модальную, логическую или эмоциональную оценку содержания предложения, а также выполняют контактоустанавливающую функцию» [13, с. 224].

Ср. еще одно определение: Вводные слова – слова, которые занимают в предложении автономную позицию и выполняют оценочно-квалификативную функцию, выражая разные аспекты субъективного отношения говорящего к сообщаемому. Аналогичную функцию выполняют вводные словосочетания и вводные предложения [6, с. 39].

«Лингвистический энциклопедический словарь» дает такое определение вводных слов: «слова и словосочетания, грамматически не связанные ни с одним из членов предложения; посредством вводных слов осуществляется модальная, экспрессивная и эмоциональная оценка сообщения» [8, с. 81].

Основными признаками, обозначенными в приведенных определениях, являются: 1) отсутствие грамматической связи вводных слов с другими членами предложения; 2) функция вводных слов – модальная, экспрессивная и эмоциональная оценка сообщения, т.е. выражение субъективного отношения говорящего к сообщаемому.

Отсутствие грамматической связи вводных слов с другими членами предложения подчеркивается всеми исследователями. В этом смысле о них говорят как о единицах, занимающих автономную позицию в предложении [6, с. 39] или как о единицах, находящихся «вне предложения», лишь примыкая к нему [14, с. 297–298].

Сам термин «вводное» только внешне обозначает их место в связной речи, но не определяет его внутренней грамматической природы [6, с. 569].

А.М. Пешковский назвал вводные конструкции инородными, «внутренне чуждыми приютившему их предложению» [15, с. 404]. Однако их инородность заключается лишь в изолированности позиции, интонационной и грамматической выделенности в составе предложения. В смысловом отношении вводные слова тесно связаны с содержанием всего высказывания.

Термин «вводные конструкции» включает все виды вводных единиц: вводные слова, словосочетания, предложения, поскольку их признаки, функция, связь с предложением аналогичны, различаются они лишь структурой, границы между ними условны.

Одним из основных признаков вводных конструкций, составляющих их специфическую особенность и отграничивающих от других языковых единиц, является их функция – средство выражения субъективного отношения говорящего к сообщаемому.

Таким образом, вводные слова являются одним из средств выражения синтаксической модальности, той категории, в которой, наряду с категорией времени, лица, проявляется предикативность предложения.

Почти всеми языковедами предикативность признается основной, главной категорией предложения, без которой не существует ни одно предложение. Сущность категории предикативности составляет «общее грамматическое значение отнесенности основного содержания предложения к действительности», которое «выражается в синтаксических категориях модальности, времени и лица» [16, с. 80].

В решении вопроса о предикативности в лингвистике наметилось два направления [17, с. 70–71]. Первое, идущее от А.А. Шахматова, А.М. Пешковского, В.В. Виноградова, признает, что «предикативность не всегда выражается в предикативной связи между частями или членами предложения» и что она может быть «присуща всему предложению в целом и не вызывать его расчленения (напр.: *Молчать! Жара! Светает*)» [16, с. 86–87].

Другие исследователи видят выражение предикативности прежде всего в отношениях между подлежащим и сказуемым.

Структура мысли, выражаемая предложением, всегда двучленна, в ней есть предмет и приписываемый ему предикативный признак, т.е. то, о чем сообщается, и то, что сообщается (сообщаемое). В структуре предложения этим членам суждения (субъекту и предикату) обычно (но не всегда) соответствуют два главных члена (два состава). В двучленном характере структуры предложения отражается его связь с действительностью и процессом мышления. Предикативность как основное свойство предложения и означает предикативное отношение между двумя главными членами предложения носителем предикативного признака и предиктируемым признаком (или в структуре суждения между субъектом и предикатом), выражающаяся в языковых категориях модальности, времени и лица. Такая интерпретация предикативности и предикативного отношения наиболее плодотворно разрабатывается в исследованиях Н.Д. Арутюновой [18; 19].

Рассмотрим сущность категории модальности. Проблема модальности разрабатывалась в трудах Г.В. Колшанского, В.В. Виноградова, М.В. Ляпон, Г.А. Золотовой, А.В. Бондарко, В.Н. Бондаренко, М. Грелла и др.

Среди известных определений категории модальности представляются наиболее полно отвечающими природе этого языкового явления те, которые исключают из круга модальных такие явления, как противопоставление по характеру коммуникативной установки (утверждение – вопрос – побуждение), противопоставление по признаку «утверждение – отрицание» и др. [8, с. 303].

Наиболее убедительна, на наш взгляд, точка зрения на категорию модальности Г.А. Золотовой. Исходя из понимания инвариантного значения модальности как противопоставленности реального/ирреального отношения высказывания к действительности. Г.А. Золотова рассматривает модальность в трех аспектах:

1) в отношении содержания высказывания (точнее, предикативного признака) к действительности с точки зрения говорящего (субъективно-

объективное отношение содержания высказывания к действительности с точки зрения реальности, соответствия или несоответствия действительности);

2) в отношении говорящего к содержанию высказывания;

3) в отношении между субъектом-носителем признака и предикативным признаком [20, с. 140–157].

Главным грамматическим средством выражения основной или предикативной модальности является категория наклонения: изъявительного с одной стороны, условно-желательного и побудительного – с другой. При этом, как отмечает Г.А. Золотова, «значение категории наклонения как показателя основной модальности предложения шире собственно морфологического». Этот аспект модальности соответствует содержанию термина «объективная модальность».

Основным средством выражения второго, субъективного, аспекта модальных отношений служат вводные (модальные) слова.

«Субъективная модальность, выраженная вводными словами, не меняя основного модального значения предложения, подает это значение в особом ракурсе, в особом освещении. Объективная и субъективная модальности взаимодействуют, но не перекрещиваются» [20, с. 150]. «Третий аспект модальности, – пишет далее Г.А. Золотова, – отношение между действием и его субъектом выражается посредством модальных слов, включаемых в состав предиката: глаголов *мочь, хотеть, желать* и т.д., из категории состояния: *можно, возможно, желательно, нужно, надо, необходимо*, кратких прилагательных: *должен, намерен* и др. под., некоторых модальных существительных» [20, с. 151].

И.И. Распопов пишет: «Модальность не есть выражение любого субъективного отношения говорящего, а только выражение субъектного отношения к реальности высказывания или его частей. Из области модальности полностью исключаются оценочные отношения» [17, с. 49].

Таким образом, модальность – это субъективно-объективная категория, содержанием которой является отношение содержания высказывания к объективной действительности, устанавливаемое говорящим, включая отношения говорящего к содержанию высказывания и отношения между предикативным признаком и его носителем.

Основное модальное значение – значение реальности /ирреальности – является его необходимым признаком, одной из основных грамматических категорий предложения.

В структурном отношении изменяется только строение сказуемого, которое из простого преобразуется в сложное, а в семантическом – в том, что к обязательному объективному модальному значению добавляется выражение модального отношения между подлежащим и сказуемым (по определению Г.А. Золотовой – внутрисинтаксическая модальность, а чешский лингвист М. Греплъ называет ее «волюнтативной модальностью»), или указывается на характер протекания действия, выраженного инфинитивом, что осуществляется введением в состав сказуемого фазисных глаголов [21, с. 62].

В.В. Виноградов, положивший начало активному изучению категории модальности, определил модальные значения как субъективно-объективные, выражающие отношение всего предложения к действительности [3].

Таким образом, выделяют два вида модальности – объективную и субъективную. Вопрос о разграничении объективной и субъективной модальностей окончательно не решен. В большинстве исследований, рассматривающих данную проблему, принято разграничивать объективную и субъективную модальности.

Объективная модальность выражает отношение содержания высказывания к действительности как реальное или ирреальное. Объективная модальность выражается противопоставлением форм синтаксического изъявительного наклонения формам синтаксических ирреальных наклонений: сослагательного и повелительного.

Помимо обязательного для каждого предложения объективно-модального значения, конкретное предложение может нести в себе добавочное, субъективно-модальное, значение, т.е. отношение говорящего к высказанному, образующее в предложении второй модальный слой.

Семантический объем субъективной модальности значительно шире семантического объема объективной модальности (значения «реальность – ирреальность»), средства ее выражения неоднородны. Категория субъективной модальности реализуется: модальными словами, модальными частицами, междометиями, особой интонацией и др.

Одним из основных средств выражения субъективной модальности являются модальные слова, представляющими особый лексико-грамматический класс слов, а также функционально близкие к ним словосочетания и предложения.

Эта точка зрения получила всеобщее признание с выходом работы В.В. Виноградова «О категории модальности и модальных словах в русском языке» [3]. В.В. Виноградов рассматривал модальность как понятийную категорию, характеризующую все предложение в целом. При этом отмечалось, что модальность, выражаемая модальными/вводными словами и синтагмами, представляет собой совершенно иной тип, чем модальность, выраженная в предикате, и что модальные оттенки, возникающие в предложении благодаря включению в его состав этих синтагм, «образуют как бы второй слой модальных значений в смысловой структуре высказывания, так как они накладываются на грамматический грунт предложения, уже имеющего модальное значение» [3, с. 70].

Согласно этой точке зрения, сфера субъективно-модальных значений охватывает самый широкий круг средств выражения, основными из которых являются вводные слова, словосочетания и предложения, так как именно на уровне синтаксиса модальные средства языка приобретают свою наибольшую эффективность.

Не случайно грамматистами обращалось внимание на то, что модальные слова тесно связаны с категорией наклонения глагола (т.е. глагольной категорией модальности). Так, И.И. Давыдов писал: «Кроме наклонений, к тому

же служат некоторые наречия, придаваемые сказуемому для действительности: *точно, подлинно, действительно*; для возможности: *может быть, ведь, авось, едва ли, вероятно*; для необходимости: *непрерывно, должно быть, знать, видно, стало быть*» [22, с. 569].

В.В. Виноградов пишет, что модальные значения могут выражаться «также своеобразным «вводным» использованием как форм разных частей речи, так и целых синтагм или даже предложений». Многие вводные слова, словосочетания и «предложения», обозначающие отношение предложения или частей его к реальности, по его мнению, могут превратиться в частицы и грамматизироваться, т.е. они становятся простыми грамматическими выразителями модальности предложения, лишенными лексической самостоятельности и раздельности [22, с. 568].

Модальные слова нередко близки к наречиям и частицам, так что разграничение первых и последних иногда оказывается затруднительным, поскольку функция их в предложении однородна – выражать различное отношение говорящего к высказанному.

Ср.: *Успехи наши действительно (частица) огромны, и программа работ на будущее тоже колоссальна /Киров/ – Я прислушался: действительно (модальное слово), это был голос /Л.Н. Толстой/.*

В.В. Виноградов пишет, что «модальные слова в живом процессе речи не примыкают к одним и тем же членам предложения и не служат определением или распространением слов какого-нибудь одного или нескольких грамматических классов», они «лежат как бы в иной грамматической плоскости по сравнению со всеми другими элементами высказывания» [22, с. 568]. Относительно статуса модальных слов в русской грамматической традиции существует два точки зрения. Первая связана с именами Л.В. Щербы и В.Н. Сидорова. Эти ученые отстаивают тезис о том, что неизменяемые самостоятельные слова типа *вероятно, конечно, видимо* и др., не способные быть каким-либо членом предложения, не могут быть подведены под какую-либо часть речи.

Второй подход к вопросу о статусе этих слов связан с работами В.В. Виноградова. В.В. Виноградов усматривал в них общность синтаксической функции. Выражая оценку высказываемой мысли или способа ее выражения, модальные слова граничат одной своей стороной с «частицами речи», с реляционными словами, но резко отличаются от основных разрядов или классов их (предлогов и союзов) своими синтаксическими функциями [22, с. 568].

Кроме того, он считал, что, помимо синтаксической общности, самостоятельности и неизменяемости, данные слова обладают и общностью номинативной. Номинативная общность, по мнению В.В. Виноградова, состоит в том, что с помощью этих слов выражается отношение говорящего к объективной действительности, а также к форме и содержанию высказывания об этой объективной действительности [3].

Таким образом, в составе модальных слов оказывались не только слова типа *вероятно*, но и такие слова, как *во-первых, итак, следовательно*.

И.Г. Милославский считает логичным рассматривать в качестве особой части речи модальные слова — неизменяемые знаменательные слова, не способные быть каким-либо членом предложения [23, с. 354]. По его мнению, особенно важно различать модальные слова как часть речи от слов других частей речи, употребленных в качестве вводных слов в предложении. Ученый не соглашается с мнением Л.Л. Буланина, который пишет: «...как вводные могут использоваться и словосочетания (*по мнению Ивана Ивановича, к нашему великому сожалению*) и предложения (*думаю, я думаю, как предполагают*)... Очевидно, в предложениях *К сожалению примешивалось чувство облегчения* и *К сожалению, поездка не состоится* мы имеем предложно-падежную форму существительного как дополнение и как вводное слово, но перехода из одной части речи в другую не происходит. То же самое наблюдается и в предложениях *Он пришел кстати* и *Кстати, я получил вчера письмо*» [24, с. 188].

Именно противоречивая природа модальных слов, их особые, специфические признаки позволила высказать мнение о том, что они представляют собой «бескачественные», «качественно обесцвеченные» слова, ср.: «Это слова, развивающиеся в обстановке синтаксической изоляции, теряющие всякую морфологию (не говоря о рудиментах) и качественно «обеспечивающиеся». Принято приспособлять к этим словам термин «модальные слова». Но этот термин, сам по себе не слишком удачный (его связь с латинским *modus* оказывается слишком «вольной»), имеет то отрицательное свойство, что используется применительно к словам только вводного типа. Между тем синтаксическая изоляция существует не только на основе вводности, как это ясно хотя бы из «да», «нет». Лучше было бы назвать рассматриваемые слова прямо грамматически, бескачественными словами» [22, с. 569].

Мы считаем, что модальные слова и словосочетания, предложения, выполняющие сходную функцию в предложении — выражение отношения говорящего к высказанному, иными словами, субъективно-модальное значение. Общность их синтаксической функции позволяет объединить их в одну группу вводных конструкций.

Вводные конструкции представляют собой такие языковые единицы, которые являются факультативными в составе предложения и могут быть устранены без особого ущерба для семантики последнего. Факультативность вводных единиц в составе включающего предложения была во многом обусловлена их генезисом.

Однородность синтаксических функций вводных единиц подтверждается и тем фактом, что предположительно вводные слова, словосочетания возникли из предложений.

В традиционной синтаксической науке существует точка зрения о том, что вводные слова представляют собой «редуцированное» предложение. А.А. Потебня характеризовал вводные слова как вводные предложения или как остатки вводных предложений [25, с. 194–197].

Д.Н. Овсяннико-Куликовский рассматривал вводные слова как «часть неоконченного, недоговоренного предложения» или «как результат сокращения некогда полного предложения, от которого осталась лишь та или другая часть, иногда превратившаяся в частицу» [26, с. 297–298], например: *само собой, мол, пожалуй, чай, будто* и др.

Это подкреплялось ссылкой на «вводные выражения, еще сохраняющие с большей или меньшей ясностью характер предложения»: *так сказать, стало быть, знать, разумеется, говоря правду* и т.п. Например, «*Нынешнее Послание показывает перспективы Казахстана в новом мире. **Можно сказать**, что это общество, которое будет строить нынешняя молодежь, поэтому Президент ставит перед ней задачи быть высокообразованной, знать несколько языков для того, чтобы быть востребованной и конкурентоспособной*» («Изучая историю, сохранить наследие», Даурен Хаиргельдин)

«*Выработка общих правил – процесс не быстрый. А учитывая разницу в подходах, еще и достаточно непростой. Помимо прочих причин, немаловажную роль играет и человеческая психология. Сложно отказаться от чего-то давно привычного – в частности, от долларовых межгосударственных расчетов. **К примеру**, у Казахстана с Китаем торговля на девяносто девять процентов идет в долларах, при том, что тенге к доллару в последние три с половиной года стабилен, а юань по отношению к нему вообще укрепляется. С экономической точки зрения хранить верность доллару смысла нет*» (27. 11. 2012).

А.М. Пешковский, развивая мысли Д.Н. Овсяннико-Куликовского, подробно описывает процессы изменения «предложений, вставленных в середину других предложений, но не соединенных с ними грамматически, и перехода их в вводные слова, а иногда и в частицы. «При этом, чем короче такое выражение и чем чаще оно употребляется, тем больше оно теряет свое первоначальное значение (ср., например, *видите ли*, когда нечего видеть, *одним словом*, когда употребляется очень много слов, и т.п.). Если это первоначальное значение совершенно исчезает (часто в связи с соответствующим звуковым усечением), то получается частичное слово, и таких слов немало между вводными словами (*конечно, чай, знать, мол, де, дескать* и т.п.). Эти частичные слова отличаются от прочих частичных слов только тем, что соответственно своему происхождению не вступают в связь ни с одним из членов данного предложения и потому не являются членами его, хотя бы даже служебными» [15, с. 372].

В.В. Виноградов пишет, что многие модальные слова действительно произошли из вставных предложений, на многих из них еще и теперь лежит отпечаток этого их происхождения. Но многие из модальных слов и частиц возникли и другим путем, например из наречий. «Чем бы они раньше ни были, в современном языке они образуют одну грамматическую категорию», – заключает ученый [22, с. 572].

В традиционной грамматической науке существует несколько классификаций вводных конструкций по значению и употреблению.

В.В. Виноградов выделяет несколько разрядов модальных слов по их значению и употреблению. Основные из этих разрядов следующие:

1) модальные слова и частицы, обозначающие чужой стиль выражения, субъективную передачу чужой речи, мысли, а также ее оценку со стороны говорящего: *мол, де, дескать, будто, слышно* и др.;

2) слова, указывающие на оценку самого стиля, способа выражения: *буквально, так сказать, коротко (откровенно) говоря*;

3) слова, обозначающие характер речевой экспрессии или эмоциональный тон высказывания, экспрессивные оценки выражений: *шутка сказать, не в обиду будет сказано, признаться сказать* и др.;

4) слова, указывающие на эмоциональную оценку действительности: *спасибо, полно, пожалуй*;

5) слова, содержащие логическую оценку достоверности высказывания: *несомненно, безусловно, очевидно, видимо, в самом деле, подлинно*;

6) слова, указывающие на последовательность или характер связи мыслей или событий: *кроме того, в частности, в конце концов* и др.;

7) слова, обозначающие порядок движения мыслей в числовой последовательности: *во-первых, во-вторых* и др.;

8) слова, выражающие субъективную внезапность припоминания, присоединение по ассоциации: *кстати, одно к одному, заодно, к тому же* и др.;

9) модальные выражения образуют сравнительные частицы: *словно, будто, как бы, точно* и др.;

10) слова, заключающие в себе призыв к собеседнику, стремление возбудить его внимание к чему-нибудь, какой-нибудь факт или вызвать то или иное отношение к сообщению: *видите ли, знаешь* и др.;

11) количественные обозначения степени также вовлекаются в круг модальных слов: *самое большее, самое меньшее, по крайней мере, едва ли не* и др. [22, с. 577-580].

Например, «О том, что пенсионную систему пора модернизировать, сказал в своём нынешнем Послании народу страны Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев. Для этого уже создана специальная комиссия, которая обсуждает целесообразность и детали возможных реформ. Главное, в чём эти изменения будут заключаться, – создание единого накопительного пенсионного фонда взамен всех существующих... Но уже сейчас известно: даже если Президент всё же примет политическое решение поднять пенсионный возраст женщин до 63 (вслед за этим, **скорее всего**, будет поднят возраст выхода на пенсию мужчин), процесс займёт десять лет – всякий раз эта планка будет отодвигаться на полгода» («Когда дам о возрасте спрашивают...», Александр Вервекин).

«Обеспечение продовольственной безопасности страны – задача приоритетная. Аграрный сектор – та часть экономики, где пересекаются жизненно важные интересы Казахстана. Именно поэтому государственные программы, направленные на поддержку и развитие малого и среднего бизнеса,

напрямую касаются сельского предпринимательства в первую очередь. И действенность этих программ уже приносит свои плоды. Порой – в буквальном смысле» («Ранние овощи и мясные деликатесы», Маргарита Розен).

Другие классификации в основном опираются на классификацию, предложенную В.В. Виноградовым [13, с. 224–226; 6, с. 39–40; 8, с. 81].

Например, Н.С. Валгина выделяет следующие группы вводных слов по значению: 1) вводные слова с модальным значением (оценка говорящим степени достоверности высказывания: уверенности, неуверенности, сомнения, возможности, предположения и др.); 2) вводные слова, указывающие на обычность совершаемого; 3) вводные слова, указывающие на источник сообщения; 4) вводные слова, характеризующие отношение к способу выражения мысли; 5) вводные слова, представляющие собой призыв к собеседнику с целью привлечь его внимание, внушить определенное отношение к высказыванию; 6) вводные слова, указывающие на связь мыслей, последовательность их изложения; 7) вводные слова, выражающие эмоциональную оценку сообщаемого; 8) вводные слова, указывающие на экспрессивный характер высказывания [12, с. 250–252].

Н.Е. Савчиц, рассматривая категорию вводности русского языка конца XVII – начала XVIII вв., предлагает классификацию вводных единиц, насчитывающую 4 основные группы вводных единиц, каждая из которых, в свою очередь, подразделяется на две подгруппы:

1. Собственно-модальные вводные единицы, дифференцирующиеся на две подгруппы: а) вводные единицы со значением проблематической достоверности (*кажется, мнится, чаю* и др.); б) вводные единицы со значением категорической достоверности (*истинно, конечно, разумеется* и др.);

2. Эмоционально-модальные вводные единицы. В этой группе также выделены две подгруппы: а) индивидуально-эмоциональные вводные единицы (*к удивлению*) и б) экспрессивно-теологические вводные единицы (*Бог изволит, слава Богу, милостию Божиею* и др.);

3. Коммуникативно-модальные вводные единицы, включающие два типа актуализаторов: а) аппеллятивно-модальные (*пожалуй, как водится, как издревле бывало* и др.); б) персонификационно-модальные (*сказывают, говорят, по сведениям (кого-либо)* и др.);

4. Модально-систематизирующие вводные единицы с двумя группами: а) логико-модальные вводные единицы (*итак, напротив, первое, второе* и др.); и б) формально-модальные вводные единицы (*истинно сказать, одним словом сказать* и др.) [27, с. 14–15].

Названные классификации вводных (модальных) слов пересекаются. Например, вводное слово *кроме того* в предложении **Кроме того**, солнечные дни часто сменялись пасмурными /В. Обручев/ можно определить как слово, выражающее субъективную внезапность припоминания, присоединение по ассоциации (по В.В. Виноградову), как вводное слово, указывающее на связь мыслей, последовательность их изложения (по Н.С. Валгиной) и как модально-систематизирующее логико-модальное слово (по Н.Е. Савчиц).

Несмотря на терминологические различия приведенных классификациях вводных (модальных) единиц, все же основным критерием всех классификаций является функционально-семантический, учитывающий функции вводных единиц в предложении и значение, вносимое ими в семантику предложения.

Таким образом, вводные слова как синтаксическая категория могут быть выражены модальными словами, основная функция которых – это выражение субъективно-модальных значений. Модальные слова характеризуют высказывание с позиций говорящего, выражают отношение говорящего к предмету речи.

В аналогичной роли выступают также вводные словосочетания и предложения. Вводные конструкции занимают в предложении синтагматически автономную позицию и функционируют в качестве вводных единиц для оформления разноаспектных интеллектуальных (логических) и эмоциональных оценок сообщаемого.

Вводные и модальные слова разграничиваются как единицы разных уровней анализа (синтаксического и морфологического). Использование в качестве вводных модальных слов привело к смешению этих терминов, а иногда к отождествлению вводных и модальных слов.

Синкретичность семантики, функций этих языковых единиц проявляется в том, что Г.А. Золотова называет их вводно-модальными [28, с. 297, 422].

1.4 Соотношение вводных и вставных конструкций как средств экспликации субъективной модальности

Долгое время в грамматических описаниях вставные конструкции не отграничивались от вводных. Лишь в 50 – 60-х годах XX в. они были отделены от вводных конструкций, на которые они внешне похожи [16, с. 47]. Исследование вставных конструкций было продолжено в 70 – 80-е годы на материале современных европейских языков. Обращалось внимание на проблемы структурной организации конструкций, их функционально-семантических особенностей, интонационных различий с вводными, роли вставных конструкций в организации высказывания и текста.

Вводные и вставные конструкции имеют существенные функциональные, грамматические и генетические различия. Если соотношение вводной конструкции с основным предложением выражает субъективную модальность, то вставные конструкции (предложение, словоформа, словосочетание) представляет собой самостоятельное сообщение, включенное в основное предложение, а иногда и замыкающее его. Ср. употребление вводных и вставных конструкций, включенных в одно и то же предложение: *Начну с того, что я не принадлежу (ни с какой стороны) к пишущей братии, хотя признаться, кто в юности не грешил стихиками* (Из газет).

Между вводными и вставными конструкциями, однако, нет непроходимой границы.

Во-первых, и вставные конструкции могут иметь субъективно-модальное (оценочное) значение: *Это была первая Санина ночь в тайге – **и какая ночь!** – точно взявшаяся показать ему один из своих могучих пределов* (В. Распутин).

Во-вторых, в положении вставных могут оказаться и вводные конструкции. «Интересно отметить, что посредством интонационной изоляции в ранг вставных могут «переводиться» также вводные элементы (которые при обычном их интонировании являются более тесно «спаянными» с основным составом предложения). Ср.: *Калиныч (**как я узнал после**) каждый день ходил с барином на охоту* (И. Тургенев). – *Калиныч, **как я узнал после**, каждый день ходил с барином на охоту* [29, с. 270].

Вопрос о специфике вставных конструкций, их отличии от вводных конструкций Г.Н. Акимов решает только при обращении к их истории. Становление вставных конструкций, по ее мнению, связано с постепенно развившейся практикой пунктуационного выделения синтаксически различно оформленных единиц (характерно первичное отделение от основного высказывания синтагматически связанных с составом предложения единиц – членов предложения, придаточных) [30, с. 55–65].

Таким образом, предложения, включающие вводные конструкции не являются осложненными. Вводные конструкции не вступают с членами предложения в подчинительную связь, т.е. не образуют с ним словосочетаний и не обнаруживают грамматической зависимости от них. Вводные конструкции являются средством выражения категории модальности, обладают значительным прагматическим потенциалом и играют существенную роль в предложении, расширяя его семантический объем и коммуникативное пространство за счет сокращения языковых средств.

2 Объективная и субъективная модальность в публицистическом дискурсе: семантика и прагматика

2.1 Место семантики и прагматики в современной лингвистической парадигме

Представления об антропоцентрической природе языка, о тесной связи и взаимодополнительности референциального и прагматического значений слова и текста легли в основу современной точки зрения на семантику и прагматику. Включение адресанта и адресата речи как языковой личности в сферу семантики является в такой модели языка обязательным. Так, по мнению Е.В. Падучевой, границу «между прагматикой и семантикой в лингвистике провести трудно и, возможно, необязательно. Прагматика изучает значение в его отношении к речевой ситуации (т.е. к говорящему и слушающему, их целям, фоновым знаниям и под.) и к ее контексту. Объектом прагматики являются прагматические значения разного рода, пропозициональные установки говорящих – исходные допущения, намерения, мнения, эмоции и пр.» [31, с. 221].

Невозможность процедурно и онтологически отделить референциальное, «объективное» значение слова (текста, дискурса) от его субъективного значения, т.е. того «пучка» фоновых значений, которые мотивированы этнической, национальной, исторической картиной мира, а также психологическими, идеологическими и прочими интенциями, порождает целостный взгляд на семантику как одновременно логическую и иррационально–ситуативную область смыслов. «Для логика семантика – это отношение между знаками и внешним миром. Однако значение слов и конструкции естественного языка не может быть сведено к отношению между языком и миром. Значение в естественном языке антропоцентрично, т.е. отражает общие свойства человеческой природы, более того, оно

этноцентрично. <...> Нельзя на естественном языке описать «мир как он есть»: язык изначально задает своим носителям определенную картину мира, причем каждый данный язык – свою» [31, с. 223].

Е.В. Падучева, следуя концепции языка А. Вежбицкой, утвердившейся в языковедческой парадигме начиная с 1980–1990 гг., определяет лингвистическую прагматику как «область семантики <...> которая изучает языковые элементы, ориентированные на речевое воздействие; иначе говоря, элементы, в семантике которых отсылка к говорящему играет ключевую роль» [31, с. 223]. И хотя далее автор указывает на «добавочность» прагматического значения, которое не может само по себе составить содержание высказывания, это периферийное место в иерархической структуре означаемого, как видится, не отменяет обязательности прагматического компонента в любой дискурсивной репрезентации языка.

По мере внедрения коммуникативно-дискурсивной парадигмы в языкознание прагматика все чаще и настоятельнее стала рассматриваться как часть семантики (А. Вежбицкая, Е.В. Падучева, Н.Д. Арутюнова, Е.С. Кубрякова, Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Миронова и др.), в то время как в период становления этой области лингвистической теории прагматика понималась автономно (Ч. Моррис) или как область регламентации перформативов, т.е. правил употребления языка (Л. Витгенштейн).

Модальность является «функционально-семантической категорией, выражающей разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого» [8, с. 303]. М.В. Лопатюк обращает внимание на разные подходы в трактовке модальности. Так, он ссылается, в частности, на точку зрения З.Я. Тураевой, связывающей категорию модальности с процессом «порождения и восприятия речи» [32, с. 7].

В основе публицистики лежит принцип оценки действительности субъектом речи, а также выражение собственной позиции по отношению к этой действительности, что особенно актуально для газетного текста.

Не менее существенным является изучение категории модальности в рамках функционально-семантического (А.В. Бондарко и др.), а шире – когнитивного подхода (Е.С. Кубрякова, С.Г. Воркачев, Л.И. Гришаева, И.А. Стернин и др.). В связи с активизацией антропологического подхода в лингвистике категория модальности, в основе которой – субъективное отношение и оценка, становится одним из первостепенных предметов изучения. Как пишет М.В. Лопатюк, «исследователи все чаще обращаются к концепциям текста, в соответствии с которыми на первый план выдвигается его каузирующее начало и текст воспринимается как продукт активной речевой деятельности человека» [32, с. 8].

Развитие теории модальностей сформировало две концепции. Одна из них построена на классификации объективных модальностей, которые сводятся к понятиям «истина» /«ложь» высказывания (ее придерживаются логики и философы), другая концепция ориентирована на описание субъективных модальностей, которые не сводятся к критерию истинности /ложности. Данной концепции придерживаются современные лингвисты, отказавшиеся от жестких, рациональных структуралистских моделей языка и выбравшие антропологическую парадигму в языкознании (Ю.С. Степанов, Н.Д. Арутюнова, Е.С. Кубрякова, И.А. Стернин, В.С. Виноградов и др.) [33]. Таким образом, в основе лингвистической категории модальности лежат формальные единицы грамматического выражения различных аспектов отношений семантики речи к реальной действительности.

Итак, под категорией модальности в целом понимается выражение отношения высказывания к действительности. Такое общее определение модальности не вызывает разногласий у лингвистов, но некоторые авторы включают в число модальных значений только интеллектуальные (рациональные), а другие – рациональные и эмоциональные значения.

Язык, согласно современным данным лингвистики, служит нескольким задачам антропологической деятельности:

- 1) познанию мира,
- 2) номинации явлений, предметов и процессов,

3) коммуникации с помощью различных дискурсивных практик [34, с. 239–248]. Коммуникативно-прагматический подход основан на принятии во внимание контекста речи, на отношении субъекта речи не только к собственному сообщению, но и к адресату. Фактор адресата является необходимым – имплицитным или эксплицитным – элементом, который сознательно или неосознанно учитывает говорящий (пишущий) в момент оформления речевого высказывания, т.е. в момент формирования определенного суждения о мире и своем / чужом в нем месте. Поэтому в одном контексте субъект речи выбирает одну модальность или стилистические средства ее выражения, в другом – иную.

Итак, модальность является одной из значимых оценочных категорий, относящихся к областям семантики и прагматики, т.е., в современной терминологии, к сфере дискурса. Помимо грамматических форм репрезентации модальность как категория располагает лексико–семантическими средствами – дискурсивными словами. К дискурсивным словам относят:

- метатекстовые обороты (*более того, одним словом, наконец*);

- предикаты внутреннего состояния;
- предикаты со значением сходства и подобия (*напоминало*);
- показатели идентификации (*тот самый, никто иной как*);
- слова со значением неожиданности (*вдруг, внезапно, неожиданно, удивительным образом, удивительное дело*);
- неопределенные местоимения и наречия (*что-то, почему-то*);
- обобщающие вводные слова и обороты (*как часто бывает, по обыкновению, вообще*); слова с оценочным значением (*«подразумевают субъект оценки»*) [31, с. 280–286].

Семантика и средства выражения, выбор между имплицитной и эксплицитной позицией субъективной модальности будут качественно различаться в зависимости от жанра. Так, если это новостная заметка (нейтрально-безразличная модальность), эссе (широкий спектр эмотивной модальности), очерк (балансирование между рациональной и иррациональной модальностью), репортаж (контрастное сосуществование рациональной и иррациональной субъективной модальности) аналитическая статья (преобладание рациональной модальности) и пр. На основе такой дифференциации аспектов описания модальности можно выделить уровни языковой структуры, на которых должен основываться комплексный анализ средств выражения модальности в публицистическом тексте:

- 1) семантика;
- 2) лексика;
- 3) грамматика;
- 4) синтаксис;
- 5) пунктуация;
- 6) сверхфразовое единство (микроконтекст);
- 7) жанр и стиль (макроконтекст);
- 8) коммуникативно-прагматическая установка (обусловлена макроконтекстом и выходит на уровень психолингвистики, семиотики).

Имплицитная субъективная модальность охватывает обширный круг значений, которые по тем или иным причинам не могут быть высказаны

адресатом явно, открыто и должны быть «зашифрованы» с помощью определенных конструкций. Данный вид модальности довольно распространен в иронических журналистских эссе, в новостных заметках, где отношение к происходящему, согласно законам жанра, не может быть выражено явно, эксплицитно, но тем не менее событие вызывает к интерпретации его данным органом СМИ. Имплицитная модальность требует от субъекта речи более виртуозного, творческого владения языком, чем от субъекта речи, открыто выражающего свои эмоции и суждения.

Таким образом, когнитивно-дискурсивный, коммуникативно-прагматический подход к анализу категории модальности, а тем более субъективной модальности является в современных условиях наиболее адекватно отражающим представления о языке и роли человека в его формировании.

2.2 Модальность публицистического текста

Модальность текста – это выражение в тексте отношения автора к сообщаемому, его концепции, точки зрения, позиции, его ценностных ориентации, сформулированных ради сообщения их читателю, поэтому восприятие автора текста происходит через формы воплощения его в тексте.

Авторская интерпретация изображаемого, связанная с поиском адекватных способов выражения, всегда различна, избирательна для каждого автора и разновидности текста. При этом любой способ выражения мотивирован и целенаправлен, а его выбор представляет собой неречевую задачу, решение которой и создает свою модальность текста. Общая модальность как выражение отношения автора к сообщаемому заставляет воспринимать текст не как сумму отдельных единиц, а как цельное произведение. В таком случае личностное отношение автора воспринимается как «концентрированное воплощение сути произведения, объединяющее всю систему речевых структур...» (В.В. Виноградов).

С категорией модальности тесно связано понятие «образа автора» – конструктивного признака текста, имеющее длительный период исследования в филологической науке (См. работы В.В. Виноградова).

Понятие «образ автора» высвечивается при выявлении и вычленении других понятий, более определенных и конкретных – *производитель речи, субъект повествования*. Вершиной этого восхождения и оказывается образ автора. *Производитель речи – субъект повествования – образ автора* – такая иерархическая расчлененность помогает постижению сущности искомого понятия, т.е. образа автора.

Так, первое понятие в этом ряду – производитель речи (реальный производитель речи) – не вызывает различных толкований, другими словами, каждый текст, литературное произведение создается, «творится» конкретной личностью. Любая статья в газете, очерк, фельетон; любое научное сочинение,

так же как и художественное произведение, кем-то пишется, иногда в соавторстве (например, М. Ауэзов и др.).

Интерес языковедов к газетной коммуникации обусловлен огромным влиянием ее на читательскую аудиторию. Публицистический стиль на современном этапе развития печатных СМИ наиболее оперативно откликается на нужды общества, вбирает и отображает богатство языковых тенденций, составляет открытую зону для языковедческих исследований, чем привлекает внимание многих отечественных и зарубежных ученых. Современный газетный текст в полной мере отражает не только перемены, происходящие в общественно-политической и социально-экономической жизни, но и, что особенно важно для лингвистических исследований, изменения в языке.

Публицистический стиль характеризуется большой эмоциональностью и оценочностью. По своей сути публицистика призвана активно вмешиваться в жизнь общества, формировать общественное мнение. Основные функции публицистического стиля – воздействие и сообщение, взаимодействие которых и определяет употребление слова в публицистике.

Е.С. Щелкунова понимает под публицистическим текстом «знаковый комплекс, сориентированный на взаимодействие автора и массовой аудитории для обмена актуальной социальной информацией, представлениями, мнениями и максимально актуализирующий потенциал текстовой динамики» [35, с. 118]. Н.Д. Арутюнова отмечает, что публицистический текст «погружен в жизнь», «он существует только тогда, когда существует сама жизнь, он обращен не в прошлое и не может накапливать историю, а существует в настоящем» [36, с. 137].

Отражение действительности в текстах является важной задачей журналиста, но публицистика по природе своей предполагает осмысление, оценку этих фактов, и, следовательно, присутствие автора в тексте. Читая современный публицистический текст, читатель не только становится очевидцем описываемых событий, но и видит текстовое отражение авторской личности, его самосознания, позиции, творческой индивидуальности. Так, публицистический текст, по мнению Е.С. Щелкуновой, «всегда является «авторским», независимо от того, насколько явно субъект высказывания присутствует в ткани текста. Читатель получает в нем факты и их интерпретацию, даже если она будет выражаться просто в отборе информации. С этой особенностью связано наличие скрытой или явной оценочности публицистического текста» [35, с. 79].

Термины «образ автора» в художественной литературе и «автор» в публицистике обнаруживают существенные различия. Для публицистики важен не образ автора, а автор как конкретная личность, его взгляды, общественная позиция, даже личные качества. Если в художественной литературе лицо, от которого ведется повествование, и автор принципиально неотожествимы, то в публицистике нет посредствующих звеньев между автором и текстом. Г.Я. Солганик понимает категорию «автор» как пучок отношений, в котором главными являются «отношение к действительности и тесно связанное с ним отношение к тексту (речи)» [37, с. 6].

Итак, образ автора в журналистском произведении близок к «реальному лицу», пристрастному в своем отношении к действительности. Однако реальный автор (производитель речи), приступая к написанию, имеет определенную цель или задание: либо сам себе ставит эту задачу, либо получает ее извне (например, корреспондент газеты). С этого момента начинается творчество: под давлением жизненного материала (идеи, содержания, которые уже сложились в сознании, в воображении) автор ищет, нащупывает соответствующую ему форму, т.е. форму представления этого материала. Как писать? Выявляя свое личностное начало или скрывая его, отстраняясь от написанного, будто бы это вовсе и не его, автора, создание. Журналисту, пишущему передовую, например, забот в этом смысле мало – он должен так организовать свое писание, чтобы создалось впечатление, что не он и писал: это представление мнения редакции (избираются соответствующие речевые формы отстраненности от своего текста). Автор научного сочинения часто прячется за скромное «мы» (*мы полагаем; нам представляется* и т.д.) либо вообще избегает какого-либо указания на связь со своей личностью, используя безличностную форму представления материала. Так, с точки зрения автора, создателя текста, усиливается степень объективности излагаемого мнения. Третья категория ученых не прячет своего «я» и часто в таком случае словно ищет оппонента своему мнению. Даже любой официальный документ имеет своего непосредственного создателя, однако он, в смысле формы представления, полностью отстранен от своего текста. Так через форму представления создается субъект повествования (непосредственное «я», коллективный автор, отстраненный и т.д.). И непосредственный автор (субъект, от имени которого предлагается текст) каждый раз предстает то как автор–повествователь, то как автор–описатель, то как автор – «объяснитель» и др. «Форма авторства» всегда есть категория искомая. Только в одних случаях эти поиски выливаются в сложный творческий процесс, как, например, в художественной литературе, а в других – он в большей степени предопределен жанром и типом текста, как, например, в научном и тем более официальном тексте.

Категория образа автора тесно связана с категорией модальности. Изучение модальности в отечественной лингвистической традиции заложено в трудах В.В. Виноградова, причислившего эту категорию к числу основных, центральных языковых категорий. Традиционно выделяют два вида модальности – объективную и субъективную. «Если объективно-модальное значение выражает характер отношения сообщаемого к действительности, то субъективно-модальное значение выражает отношение говорящего к сообщаемому» [9, с. 114]. Следует уточнить, что, говоря об образе автора, мы имеем в виду субъективную модальность.

Различают огромное количество субъективно-модальных значений. Так, например, модальность уверенности возникает тогда, когда говорящий/пишущий абсолютно уверен, что обладает достаточными знаниями о событиях, фактах, имеющих место в жизни, и претендует на полное знание о предмете речи. Модальность неуверенности возникает тогда, когда говорящий не обладает достаточными знаниями о событиях и понимает, что его сообщение

может оказаться недостоверным. Рассматривая модальность неуверенности, выделяют также частные модальные значения предположения, сомнения, кажимости, вероятности. Опираясь на суждение И.Р. Гальперина о том, что субъективная модальность может быть выражена «формально грамматическими, лексическими, фразеологическими, синтаксическими, интонационными, композиционными и стилистическими средствами» [9, с. 113], можно сделать вывод о том, что авторская модальность может быть выражена с помощью средств различных языковых уровней. Таким образом, говорящий/пишущий, используя модальные компоненты различной семантики, обнаруживает тем самым свое авторство модальных оценок, одновременно с их помощью раскрывает свое личное отношение к характеризваемым явлениям, событиям, персонажам, действующим в произведении, к себе – собственным мнениям, предположениям и др.

В современной лингвистике средствами выражения субъективной модальности принято считать личные местоимения, вводно-модальные слова и частицы, вводные словосочетания, вводные предложения, повторы, междометия, тропы, интонацию, словопорядок, специальные синтаксические конструкции. Перечисленные средства выражения модальности способствуют манифестации личности автора, его мировоззрения, эмоционального настроя и вместе с тем выполняют коммуникативную функцию воздействия на сознание адресата. Субъективная модальность имеет средства выражения на всех уровнях организации текста.

На морфологическом уровне основными средствами выражения субъективной модальности являются *личные местоимения, модальные слова, модальные глаголы и модальные частицы*.

Личные местоимения *я, мы* часто используются журналистами для создания особого типа повествования, которое необходимо для того, чтобы объяснить читателю, чем определен выбор той или иной проблемы, дать свое понимание последней, представить возможные способы ее решения и, наконец, для установления диалога с читателем, превращения его в соавтора.

Текстовая модальность уверенности–неуверенности манифестируется при порождении текста. Уверенность или неуверенность автора в истинности сообщаемого всегда воспринимаются читателем и во многом влияют на степень эффективности высказывания, поэтому журналист использует целый репертуар синтаксических средств для репрезентации этой категории:

- модальные фразы;
- вставные предложения;
- нарушенный порядок слов (инверсия);
- парцеллированные конструкции;
- синтаксические конструкции, в которых сочинительные и подчинительные союзы находятся после точки (так называемые разрывы);
- предложения с обособленными членами предложения;
- синтаксические конструкции с усилением отрицания;
- синтаксические повторы (анафора, эпифора);

- синтаксические конструкции с многоточием и др.

Итак, категория субъективной модальности отвечает за «авторскую» логику. Автор стремится не только заострить внимание читателя на каком-либо важном факте, но и передать свое отношение к сообщаемому, что влияет на формирование читательских мыслей и умозаключений. Результатом творческого поиска становится персонификация публицистических текстов, в которых сам автор и его позиция становятся объектом интереса аудитории.

2.3 Ипостаси образа автора в публицистическом тексте

Об актуальности категории автора для филологической науки свидетельствуют непрекращающиеся дискуссии. По мнению В.В. Виноградова, «образ автора... центр, фокус, в котором скрещиваются и объединяются, синтезируются все стилистические приемы произведений словесного искусства». Н.С. Валгина считает, что образ автора – это ничто иное, как «личностное отношение к предмету изображения, воплощенное в речевой структуре текста (произведения)», который предстает в одних случаях открытым, оценочным, эмоциональным, а в других – отстраненным, скрытым. Качествами автора, характеризующими способ организации речи, являются объективность и субъективность, конкретность и обобщенность–отвлеченность, логичность и эмоциональность, сдержанная рассудочность и эмоциональная риторичность [38].

В современной журналистике образ автора соотносится и с особенностями индивидуального стиля журналиста, и со всем строем его сугубо личностного мировосприятия. Автор открыто проявляет особенности своего самосознания, смело выступает от собственного «я», наконец, более свободен в проявлении творческой индивидуальности. Из взаимодействия этих и других авторских проявлений и возникает образ автора, являющийся, по мнению теоретиков, основной жанрообразующей категорией. Например, *«В народе эти общественные формирования успели **окрестить** по старой памяти ДНД – добровольными народными дружинами, правда, у разных формирований есть разные названия, но, **по сути**, они занимаются одним делом – помогают полицейским в патрулировании населенных пунктов и предотвращении мелких преступлений» (01. 11. 2012). «**Между прочим**, за последние годы размеры стипендии заметно увеличились... В этом году размер стипендии для студентов высших учебных заведений составил пятнадцать тысяч двести тридцать пять тенге, а для учащихся учебных заведений технического и специального образования – двенадцать тысяч сто восемьдесят восемь тенге.*

Напомним, что именная стипендия присуждается в первую очередь студентам из числа детей–сирот или ребят из многодетных и малообеспеченных семей, имеющих отличные оценки и активно участвующих в общественной жизни» («Стипендии для самых умных», Галина Егорова).

В данных фрагментах статей на социальные темы видна позиция автора, проявляющаяся в выделенных экспликаторах. Автор журналистского произведения, выражая свои мировоззренческие взгляды, тем самым проявляет особенности своего самосознания. В силу того, что «сознание есть единство отражения действительности и отношения к ней» [39, с. 46], в структуре текста можно обнаружить различного рода чувственные и рациональные образования, возникшие в сознании автора и отраженные им в определенной знаковой системе.

Индивидуальный образ автора складывается из той роли, которую он для себя изберет. По мнению М.И. Стюфляевой, они бывают следующими:

- роль автора как «зеркала» героя;
- роль автора как лирического героя произведения;
- роль автора как инстанции анализирующей и оценивающей [40, с.64].

Феномен «зеркального отражения» способствует раскрытию внутреннего мира автора. В данном случае, автор газетного текста воздействует на мысли и чувства людей, тем самым «обнаруживает» себя через свои эмоциональные реакции на происходящее. Именно эмоции «выражают наше отношение к объектам познания, без них человек оставался бы безразличным к самому познанию, и осмысление действительности было бы невозможным» [41, с. 27].

Следует сказать, что познание героя происходит не только на эмоциональном, но и на рациональном уровнях. Авторские суждения, оценки и мнения во многом проявляют позицию журналиста в отношении познаваемого объекта, который, сообщая факты, пытается оказать воздействие, повлиять на мнения и поведение людей. Факты, излагаемые в тексте, получают определенную социально-политическую окраску, благодаря оценкам с тех или иных позиций» [42, с. 9].

Журналист, занимая определенную позицию по тому или иному вопросу, всегда стремится к ее обоснованию. Публицистическая открытость автора в том и заключается, что он смело делится с читателями собственными рассуждениями без всякой сложной опосредованности, как это делается, например, в художественных произведениях, где автор свои идеи зашифровывает в образы героев. Автор журналистского произведения, стремясь вовлечь читателя в познание исследуемого вопроса, выдвигает различные тезисы, аргументы и суждения. При этом осознание журналистом истинности собственных выводов может выражаться в следующих формах: уверенность в выдвигаемых положениях; сомнения в их истинности; догадки о возможности их истинности и т.д. Все эти мыслительные авторские проявления выступают в качестве психологических элементов, призванных придать авторской позиции особую воздействующую силу. Таким образом, авторское сознание проявляется в журналистском произведении посредством демонстрации различных мировоззренческих взглядов.

Публицист может поделиться с читателями собственными мыслями, знаниями, нравственными представлениями и устремлениями, жизненными ценностями и т.д. При этом в одном случае возникает образ размышляющего

автора, а в другом – образ лирического героя, который, выражая свой внутренний взгляд на описываемые события, тем самым проявляет особенности своего мировосприятия. Эстетическая доминанта мироощущения определяет тип художественного воображения, обуславливает «тяготение» творца в отборе тех или иных впечатлений и воссоздание их в художественных образах [43, с. 68]. Мировоззренческая установка проявляется и в тематических пристрастиях журналиста, и в определении идейной направленности произведения, и в выборе объекта изучения, и т.д.

Допущение субъективного начала не противоречит документальной основе журналистского произведения. Различные приемы авторского самовыражения лишь способствуют более глубинному осмыслению объективных сторон описываемого события. Среди этих приемов мы особо выделяем категорию авторского «я». Используя этот своеобразный инструмент, журналист может активно вторгаться в ход описываемых событий, свободно выражать свои мысли, входить в контакт с героями, выражать собственную позицию, мнение и т.д. *«Всем женищинам хочется знать, о чем думает их мужчина. Поэтому они скрывают свои мысли и провоцируют его. Возможно, этим абзацем я раскрою одну из женских тайн, но думаю, ее и без меня подробно расписали в какой-нибудь книге вроде «Мужчины – с Марса, женищины – с Венеры».*

И, наверное, запрещенный прием – искусственная ревность, к которой я раньше никогда не прибегала» (Карина Брад, 15.11. 2012). Автор данного фрагмента газетной статьи не отделяет себя от женской аудитории читателей *«всем женищинам хочется знать, о чем думает их мужчина»*, поэтому легко входит в контакт с реципиентом.

«Знаете, в чем главный секрет восстановления отношений? Чтобы эта незабываемая неделя второго дыхания и воскрешения чувств была взаимной. И пусть летят вдребезги все стереотипы и предрассудки. Будьте счастливы!» (Карина Брад, 17.11. 2012). Автор текста вторгается в личное пространство реципиента, пытается сделать его своим союзником, доверяя ему свои сокровенные мысли.

В газетной практике используются многообразные формы авторского вторжения:

- автор может войти в непосредственный контакт со своими героями;
- поделиться в ходе описания события собственными воспоминаниями;
- выразить свои соображения по поводу поведения героев;
- выстроить версии и предположения;
- выразить собственные эмоции;
- раскрыть перед читателем свою творческую лабораторию и т.д.

Другими словами, автор может предстать перед читателями в различных ипостасях: как герой действующий и как герой размышляющий. В этих диспозициях авторское «я» выполняет различные функции:

- автор-очевидец происходящего;
- автор-участник события;
- автор-наблюдатель и др.

«Недавно разговаривала со студентом из Павлодара Ержаном, который уже пять лет живет и учится в США. Он говорит, что уже два года не был в Казахстане. Но точно отметил, что главное отличие молодежи за океаном и у нас: работать с 14 лет для них норма, для нас скорее редкость. И какими бы не были у тебя обеспеченными родители, ты все равно подрабатываешь на мойке машин, в кафе, в магазине. И еще нет понятия «засорная работа», у нас такая культура пока не распространена. А может, все дело и в том, что устроиться школьникам–подросткам на работу тут довольно проблематично. Было бы здорово, если бы предусмотрели специальные центры, биржи, именно для ребят, начиная с 14 лет, с горящими вакансиями, хотя бы на время каникул» (Карина Брад, 13.11.2012).

«Жизнь спортсмена только на первый взгляд кажется необременительной. На самом деле это повседневный тяжелый труд, перемежаемый как победами, так и негативными моментами. Все эти годы рядом с Виктором была его жена Тамара...

В 2003 году Виктору Петровичу Ярышеву было присвоено звание заслуженного тренера Казахстана по футболу. Этому виду спорта он посвятил большую часть своей жизни. 3 февраля Спортсмену и Тренеру с большой буквы – Виктору Петровичу Ярышеву исполняется 70 лет. Его вклад в развитие футбола в Павлодарском Прииртышье трудно переоценить, ибо этот человек стал у нас одним из основоположников столь любимого павлодарцами вида спорта. Остается пожелать Виктору Петровичу долголетия, здоровья и побольше радостей от семьи и воспитанников. Ибо спортсмены не бывают бывшими...» (Маргарита Розен, 22.11.2012).

На основе этих модификаций достигается эффект эмоциональной причастности читателя к происходящему, что в значительной мере обеспечивает эффективность воздействия журналистского произведения. «Я» размышляющее ориентировано на:

- совместную с читателем постановку проблем;
- совместное исследование изучаемого объекта;
- объективацию хода размышлений автора;
- моделирование условной ситуации;
- введение читателя в творческую лабораторию и др.

Все перечисленное обеспечивает эффект соразмышления читателя с публицистом, приобщение аудитории к движению публицистической мысли, способствует созданию эмоционального, а тем самым и комплексного идейно-психологического воздействия на читателей [44].

«Как сообщили в пресс-службе ДВД Павлодарской области, с начала года зафиксировано более двухсот нарушений правил содержания собак. Было бы странно ожидать иного, ибо площадок для выгула собак в областном центре катастрофически не хватает, тогда как животных очень много. Поэтому владельцы многочисленных тузиков и полканов просто вынуждены нарушать правила выгула собак.

Разумеется, соблюдать чистоту необходимо, и собаководам не следует забывать о пакетах и совках, выходя на улицу с животным. Однако и городской администрации не мешало бы озаботиться созданием вольера для выгула животных в каждом микрорайоне, если уж мы решили следовать примеру культурной Европы» («Тузикам нужны вольеры», Маргарита Розен, 01. 12. 2012).

«Учащиеся спортивной детско-юношеской школы олимпийского резерва (СДЮШОР №2) приняли активное участие в недавно прошедшей сорок второй спартакиаде школьников по волейболу среди общеобразовательных школ города.

У юношей соревнования проходили параллельно в двух группах – в первой и во второй лигах. В первой лиге играли восемнадцать школ. Учащиеся тренеров СДЮШОР №2 Т.Д. Касимова и Н.К. Нурлыбаева показали себя с хорошей стороны. Например, воспитанники спортивной школы Канаи Юсупов и Тимур Калина были лидерами команды СОШ №4, которая стала чемпионом спартакиады» («Хорошие результаты», Владимир Иванов, 13. 12. 2012).

Репортажное «я» может присутствовать не только в путевых, но и в расследовательских, проблемных и даже портретных журналистских произведениях. Авторское «я», выраженное в таких словосочетаниях, как «я вижу», «я чувствую», «я ощущаю» и т. д., создает эффект физического присутствия автора на месте события. *«Современные казахстанские школьники почти не двигаются и очень слабы физически, много времени проводят за компьютером, вследствие этого развивается гипокинезия. Поэтому региональным учебно-практическим центром проводится работа по оздоровлению подрастающего поколения Павлодарской области» («Зимний спорт», Е. Шестакова, начальник отдела регионального учебно-практического центра физической культуры, 15. 12. 2012). «В ходе совещания, на котором присутствовали руководители государственных органов, отвечающих за подготовку к кубковому турниру, отмечалось, что это двадцатый, юбилейный турнир такого ранга. Кстати, впервые он проводился именно в Павлодаре в*

тысяча девятьсот девяносто восьмом году. И очень важно, как подчеркнул глава региона, подготовиться к этим состязаниям на международном уровне» («О госслужбе и не только», Маргарита Розен, 20. 12. 2012).

Авторское «я» очеркового произведения, в отличие от репортажного «я», используется не только для концентрации внимания читателя на внешних приметах события, но в большей степени – для углубления и постижения внутреннего смысла разворачивающегося на глазах журналиста действия.

Если в репортаже автор, пытаясь запечатлеть сиюминутность события, ведет повествование в настоящем времени, то очеркист не ограничен подобного рода временными рамками. Поэтому в очерке очень часто авторское «я» используется в качестве вставных конструкций, связанных с личностными воспоминаниями журналиста. Подобного рода конструкции вводятся автором с определенной целью:

- чтобы соотнести реальные события с прошлыми;
- чтобы реконструировать прошлые контакты с героями произведения, которые были у автора раньше;
- чтобы в ходе своих рассуждений подготовить читателя к определенным выводам.

Значение этих вставных конструкций заключается и в том, что они выполняют в тексте определенную композиционно-смысловую роль.

Образ размышляющего автора может быть раскрыт не только через его познание внешнего мира, но и через самопознание и самоанализ. *«В Актогайском районе, где уже вывезли две с половиной тысячи тонн снега, недостает бульдозеров и грузовиков, с помощью которых дорожники очищают трассы. Кроме очистки сел, здесь приходится вывозить сотни тонн снега с трасс, соединяющих райцентр с населенными пунктами Шолаксорского сельского округа. Однако снега на дорогах лежит столько, что работающие на расчистке два трактора с такими объемами не справляются» («Паводок – на поводок!», Владимир Гегер, 22.12.2012).*

Введение в журналистское произведение авторского «я» всегда имеет мотивированный характер:

- в одном случае журналист объясняет читателю, чем определен выбор темы выступления или предпринятой им поездки;
- в другом – сразу выражает суть понимания стоящей перед ним проблемы;
- в третьем – выдвигает исходный тезис своего выступления и т.д.

Используя такое выразительное средство, как авторское «я», журналист стремится привлечь читательское внимание. Это достигается, с одной стороны, за счет проявления личностного отношения к описываемым событиям, а с другой – за счет интимизации авторского стиля повествования. Исповедальная тональность письма может сразу настроить читателей на чувственное восприятие произведения.

Следующим приемом создания авторского «я» можно назвать объективацию движения публицистической мысли. Суть данного приема заключается в том, что в ходе рассмотрения той или иной проблемы автор выражает свои мысли в форме различных понятий, суждений и умозаключений. *«В связи с обильными снегопадами есть основания считать, что разлив Иртыша в этом году будет полноценным. Во всяком случае, в Алтайских горах, откуда в основном идут талые воды на Шульбинскую ГЭС, снега много, недостатка воды не предвидится. Что же до объема Бухтарминского водохранилища, то оно не заполнено еще и наполовину»* («О религии, снеге и паводке»), Маргарита Розен, 25.12.2012).

В логике данные термины трактуются следующим образом: понятие – «мысль, фиксирующая признаки отображаемых в ней предметов и явлений, позволяющие отличать эти предметы и явления от смежных с ними. Существенную роль в формировании понятий играют процессы обобщения и абстракции»; «суждение – мысль, выражаемая повествовательным предложением и являющаяся истинной или ложной»; «умозаключение – мыслительный процесс, в ходе которого из одного или нескольких суждений, называемых посылками, выводится новое суждение, называемое заключением или следствием» [45, с. 150, 179, 188]. Понятия играют важную роль в процессе осмысления явлений действительности. «Мыслить – это значит прежде всего отражать мир через понятия, посредством понятий, в форме понятий; это значит уметь оперировать понятиями» [46, с.34].

Мыслительная работа журналиста всегда ориентирована на выделение существенных признаков предмета, на установление определенных связей между фактами или совокупностью понятий. *«Несогласованность действий между службами привела к тому, что пограничники продолжали пропускать в Казахстан российские автомашины, и теперь у местных властей появилась головная боль – как и где разместить такое большое количество людей, тем более что во многих машинах были дети. Как таковых пунктов для размещения граждан на случай чрезвычайной ситуации в Железинке нет»* (Аскар Ханенко).

Автор не может быть лишь бесстрастным фиксатором событий. Собственные суждения автор может строить, исходя из поставленных вопросов. Вопрос, представляя определенную форму мышления, ориентирует автора на получение ответа в виде некоторого суждения или группы суждений. Задавая те или иные вопросы и отвечая на них, автор тем самым стимулирует ход своих размышлений. Движение журналистской мысли, как правило, завершается умозаключением. В умозаключении роль авторского «я» не снижается. На основе тех или иных выдвинутых суждений автор приходит к неким обобщенным выводам, тем самым подводя определенные итоги своей познавательной деятельности. При этом выводы представляют не формализованные по содержанию умозаключения, а своего рода образные обобщения. Все эти мыслительные операции предпринимаются автором не

только для того, чтобы убедить читателей в правоте собственной позиции, но и для налаживания коммуникативного контакта со своей аудиторией.

Таким образом, образ автора является основной жанрообразующей категорией, соотносится с особенностями мировосприятия автора и, наконец, на нем, вокруг него и через него формируется картина той действительности, которая отражается в тексте, и которую журналист хочет донести до своих читателей.

2.4 Экспрессивные средства выражения авторской позиции в газетном тексте

Речевая природа текстов информационного подстиля языка СМИ предполагает системность в выборе языковых средств выражения содержания. Определяющими факторами этой системы выступает принцип объективированной подачи информации, исключающей субъективную оценочность и другие признаки субъективности в передаваемой ситуации внешнего мира.

Однако в отечественной журналистике образовалась еще одна система языковых элементов, которые присутствуют в информационных текстах наряду с констатирующими факт высказываниями и с элементами информационного описания, но направлены скорее в сторону разрушения узуса информирующей речи, чем в его поддержку. Это система экспрессивных средств, весьма разнообразных по способу выражения, но имеющих одну, общую для всех прагматическую характеристику: все эти средства способствуют проявлению субъективности, а значит, преодолению жанрово обусловленной подчеркнутой объективированности информационного текста. В данном случае мы наблюдаем нарушение узуса жанра (и шире – подстиля в целом) в целях большего воздействия на читателя.

Каждый жанр располагает своими экспрессивными возможностями, предполагает свой тип экспресsem, жестко связанный с жанровыми стандартами. Выразительные возможности жанра также коммуникативно регламентированы и, в общем, стандартизованы.

Иными словами, экспрессивные возможности информирующей речи – такие возможности нарушения горизонта ожидания читателя, которые можно квалифицировать не как разрушение закрепленной формы языкового выражения действительности, а как более или менее творческое варьирование этого выражения, служащее лучшему донесению логической и эмоциональной информации до читателя.

В систему экспресsem информирующей речи входят средства выразительности, привычно, узуально выполняющие функцию субъективной оценки, воздействия, которая сопровождает ведущую функцию – информирования. С другой стороны, появление единичных, окказиональных по

языковой форме экспресsem в информационном подстиле газетной речи тоже системно обусловлено и семантически и прагматически предсказуемо. Система экспрессивных средств информирующей речи в средствах массовой коммуникации включает:

– **неинвариантную языковую форму констатации факта;**

Например: *В результате падения спортивного самолета в Йошкар-Оле жертв не было.* В этом тексте констатируется факт отсутствия жертв как главный, а событие внеязыковой действительности, логически предшествующее, оформлено как информативное описание, обозначающее логический вывод. Однако, как мы знаем, в газетном тексте роль информативного описания неглавная, подчиненная, зависимая от фактографии. В данном случае, при отсутствии обозначения логически предшествовавшего факта, эту роль констатации факта берет на себя конструкция с отглагольным существительным событийной семантики в результате падения. Иными словами, обычная, инвариантная форма выражения этого содержания должна была быть такой: *В Йошкар-Оле упал спортивный самолет. (В результате падения) жертв не было.*

В подобных примерах наблюдается компрессия текста, его сжатие, в результате которого языковое выражение необходимой информации берет на себя элемент текста, в других, обычных условиях выполняющий иную текстовую функцию. Такое употребление можно назвать неизофункциональным, вторичным, а значит – несущим текстовую экспрессию.

Вот еще примеры целых текстов подобного типа. *Число жертв автокатастрофы в Чувашии дошло до 23.*

Таким образом, системная экспрессивность в языковом оформлении факта (с помощью имен существительных событийной семантики) в этих примерах целого текста обусловлена значимым отсутствием в тексте констатации предшествующего факта, логически и содержательно необходимого.

– **смена эмпатии при оформлении факта;**

К экспрессивным средствам регулярного, системного свойства в информационном подстиле газетной речи относится и смена эмпатии при оформлении факта. Фокус внимания в фактографическом высказывании переносится с субъекта действия или состояния на семантически необязательный, побочный компонент ситуации. Например, *Николай Цискаридзе на время покинул Москву, чтобы дать серию концертов в Америке – (инвариант) Николай Цискаридзе дает серию концертов в Америке.*

Уникальную фотографию убийцы «Титаника» – огромного айсберга – можно увидеть на выставке в шотландском городе Данди. Инвариант: Уникальная фотография убийцы «Титаника» – огромного айсберга – демонстрируется на выставке в шотландском городе Данди.

Следует подчеркнуть, что происходит переакцентировка причинно-следственных связей в тексте, появляются (эксплицитно или имплицитно) добавочные с точки зрения объективированной подачи информации

обозначения добавочных действий (*покинул Москву; демонстрируется на выставке*).

- **высказывания с существительными обобщенной семантики в роли подлежащего, сказуемого или дополнения, выражающие социальную или индивидуально–корпоративную оценку;**

Чудовищный случай произошел под Красноярском, в поселке Частые Емельяновского района (грамматическое согласованное или несогласованное определение конкретизирует значение существительного); *Опасную альтернативу «рельсовой войне» придумали на Дальнем Востоке: здесь сразу в нескольких местах, требуя выплаты задержанной заработной платы, открывали пальбу из оружия. Тяжелейшая ситуация с наводком сохраняется и в Германии* (выделенные определения служат целям оценки).

Таким образом, подчеркнутая объективность в подаче журналистского материала, безоценочность, безличностность заменяется в этих элементах текста на проявление субъективного взгляда на передаваемую в тексте ситуацию внеязыковой действительности.

Оценка также может передаваться через существительные: *дар, подарок, новшество, сенсация, паника, ажиотаж, неразбериха, трагедия, происшествие, бедствие, инцидент, счастливчик*. Например, *Главной сенсацией вчерашнего дня стала победа ЦСКА. Победителем международного конкурса молодых исполнителей популярной музыки «Новая волна» в Юрмале стала российская группа «Смэш». Среди любителей компьютерных игр наблюдается ажиотаж*.

Данные по форме предложения похожи на констатирующие факт высказывания, но семантика существительного выводит высказывание из разряда констатирующих и переводит в разряд выражающих оценку, поэтому такие предложения никогда не встречаются в тексте в одиночной позиции: их текстовая роль – сопровождать констатирующее факт высказывание. При этом возникает текстовая тавтология, два раза как будто констатируется один и тот же факт, что с точки зрения языковой так и есть, но с точки зрения речевой, дискурсивной – нет, поскольку в системе новостного дискурса высказывания с подобными субъектами не могут считаться констатацией факта, они в числе прочих формируют репертуар оценочных средств.

Такие высказывания могут стоять в тексте в препозиции или в постпозиции по отношению к высказыванию, обозначающему факт. В зависимости от этого в тексте осуществляются перспективные ожидания или ретроспективные отсылки. Эти оценочные элементы текста являются экспрессемами для информационного подстиля языка СМИ, поскольку, выражая оценку, реализуют функцию воздействия. Однако это экспрессивное средство не входит в число индивидуальных, окказиональных, а отражает системность в репертуаре выразительных средств информационного подстиля.

- **хронотоп как сигнал авторского эгоцентризма в тексте;**

Еще одним дискурсивно обусловленным, но регулярным по проявлению экспрессивным средством в информационном подстиле газетной речи являются

сигналы в тексте эгоцентризма автора, его Эго, выражение личностного начала, которое входит в противоречие с основной модальностью информационного текста. Сигналы настоящего или домысленного присутствия автора в описываемой ситуации, намек на актуальное наблюдение, на «здесь» и «сейчас», поддерживая субъективную модальность в тексте, вместе с ней формирует более широкое понятие – субъективности. В тексте допускаются некоторые элементы, которые можно квалифицировать как передачу личного восприятия действительности автором информационного текста. В таком тексте сигналы эгоцентризма автора весьма компактны, сдержанны, они порой лишь намекают на тот мир, который видит, слышит и чувствует примысленный наблюдатель–автор. В тексте моделируется (полностью или только частично) ситуация наблюдения, по речевым законам противопоставленная информационному подстилю.

При реализации подобного приема особую значимость приобретают в информирующем тексте органолептические детали, т.е. изображение цвета, формы, объема, а также звука, запаха и т.п.

Дав долгий прощальный гудок, от сургутского причала отошел последний в нынешнюю навигацию теплоход, привозивший в город на Оби большую группу туристов (из газет); Среди безбрежного моря серых барханов заплескалось еще одно водохранилище (из газет); Из старинного изящного фаэтона сошли жених с невестой... Изготовили его умельцы местного обозостроительного завода, а теперь он проходит испытание на прочность и устойчивость. Предназначен фаэтон для кинофильма «Дороги», который снимает Мосфильм; В подмосковной Жуковке свой новый летний сезон открыла арт-галерея «Дача». Хитом первого дня дачных гуляний стала презентация лихого шоу от авангардиста Андрея Бартенева. Даже привыкшие к арт-сюрпризам завсегдатаи «Дачи» были оглушены «Нашествием хлебных крошек» – именно так называется его последний шедевр.

Появление изобразительных деталей в информационном тексте означает, что в информативно-логическую речь врываются элементы другой речи – изобразительно-повествовательной и изобразительно-описательной, тем самым, текст приобретает детали, не несущие основной информации, на первый взгляд, орнаментальные, второстепенные, необязательные элементы текста. Однако эти детали имеют свою функцию – привлечь внимание читателя. Эти текстовые элементы провоцируют читателя на домысливание ситуации, вызывают зрительные и слуховые ассоциации, представления.

Конкретно-чувственный опыт помогает читателю в восприятии логически построенного информационного текста: *По признанию Дастина Хоффмана, он на редкость невезучий человек. И вот очередное подтверждение этому – буквально за день до своего недавнего 65-летнего юбилея актер вывихнул руку. Причем ту же самую, которую когда-то сломал на съемках фильма «Человек дождя»! Этот неприятный инцидент произошел с Хоффманом на... пляже. В тот момент, когда знаменитый актер, сидя в шезлонге, безмятежно принимал солнечные ванны, ножки стула подломились, и юбиляр рухнул прямо на свою злополучную руку. Тем не менее это происшествие не смогло омрачить*

праздничного настроения Дастина, и на своем юбилее он пребывал в прекрасном расположении духа.

- **логические элементы, моделирующие ситуацию размышления, выводя наружу имплицитно заложенное;**

На сцене МХАТа прошли премьерные показы спектакля «Имаго». Если считать, что главной целью проекта было возвращение на сцену Анастасии Вертинской, то цель эта выполнена. В данном случае примысленный субъект не наблюдает, а размышляет, сопоставляет факты, делает предположения. А любое из этих ментальных действий субъективно окрашено.

- **субъективно-оценочные элементы** (риторические фигуры и приемы: ирония, аллюзия – приемы постмодернизма);

В информационном подстиле современной массовой коммуникации, при всем стремлении авторов к объективной подаче информации, осуществляется авторами акт прямой оценки этой информации, которая сопровождает основное фактографическое или информативно-описательное высказывание. Такая прямая субъективная оценка производится с помощью прилагательных и наречий, содержащих оценочное значение (*хороший, плохой, уникальный, необычный, знаменитый, известный, значительный, малозначительный, замечательный, редкий*).

Для публицистического подстиля такая прямая субъективная оценка – строевой элемент, входящий в систему других способов выражения социальной и индивидуальной субъективной оценочности, текстовая норма. Для информационного же подстиля это средство экспрессии, нарушающее общий объективно-логический строй информирующей речи: *Уникальную фотографию убийцы «Титаника» – огромного айсберга – можно увидеть на выставке в шотландском городе Данди; В Париже на торгах аукционного дома «Друо» за 12 тысяч долларов с молотка ушло необычное ювелирное изделие – золотой слоник. Уникальность драгоценности отнюдь не в его цене, как могло сначала показаться. Примечательно то, что принадлежало оно бывшей супруге последнего иранского шаха – принцессе Сорейе Бахтиари. Принцесса скончалась в прошлом году в возрасте 69 лет. Знаменитая Сорейя миру запомнилась не только потрясающей красотой, но и своим совершенным и безукоризненным исполнением роли современной царицы. Сейчас ей посвящают песни, а о нелегкой и трагической судьбе – от шаха у нее не было детей, что и послужило причиной для развода – пишут книги.*

- **метафора как способ выражения субъективной оценки;**

К числу таких экспрессивных средств, прямо выражающих субъективную оценку в информирующем тексте, относятся и метафоры. Даже будучи по природе общеязыковыми (газетными), а не индивидуально-авторскими, в информационном подстиле они выступают средством выразительности: *Индонезийский конфликт медленно, но верно приближается к стадии «горячей» войны. Вчера Исламабад пустил в ход последние дипломатические резервы. Объявлено о начале переброски войск с афганской границы на индийскую.*

(Из трех предложений только последнее – сообщение факта. Два первых – оценочные.).

Таким образом, субъективная природа исследуемой категории проявляется четко и последовательно:

- это оценка ситуации говорящим;
- итог субъективного мнения;
- размышления, обозначение позиции субъекта речи в отношении описываемого.

На семантическом уровне категория субъективной модальности представляет собой комплекс кваликативных смыслов (типовых субъективно-модальных значений), учитывающих характер компетенции субъекта речи, степень его осведомленности, эмоциональное состояние, стремление устанавливать контакт с собеседником, поддерживать его внимание, включать в ход собственных рассуждений и оценок.

На грамматическом уровне субъективная модальность уточняет и корректирует объективно-модальное значение предложения, связанное с оппозицией реальности–ирреальности, то есть выступает как один из аспектов соотношения высказывания с действительностью, как предикативный аспект. В совокупности с объективно-модальным значением и модальностью предиката субъективная модальность образует модальную парадигму предложения.

2.5 Объективные и субъективные смыслы в семантической структуре предложений с вводными конструкциями

Взросший интерес к семантике синтаксических единиц позволил Н.Д. Арутюновой говорить о «штурме семантики предложения» [47, с. 6]. Связи языка и внеязыковой действительности получили признание лингвистов самых различных направлений, и проблема соотношения означающих и означаемых, языковых средств и выражаемых ими значений становится все более актуальной.

Семантический аспект предложения, как известно, активно стал исследоваться в 70–80-е годы XX века. Наибольшую известность получили концепции, анализирующие содержание предложения в терминах семантической структуры предложения. Эта концепция нашла наиболее последовательную реализацию в работах Н.Ю. Шведовой и её сторонников. Она же легла в основу «Русской грамматики» (1980) [48].

Способность предложения быть обращенным одной стороной к объективной действительности, другой – к процессу мышления позволило ряду современных исследователей рассматривать предложение как знаковую единицу языка, означаемым которой является «кусочек» действительности (событие, ситуация) и выделить номинативный аспект предложения, изучающий особенности «пропозитивной номинации» (Н.Д. Арутюнова), в отличие от лексической номинации.

Предложение (как и другие знаки языка) представляет собой единство плана выражения и плана содержания. Содержательная сторона предложения (в

широком ее понимании) предполагает взаимодействие номинативных, коммуникативных, экспрессивных и других аспектов предложения (см. работы Н.Д. Арутюновой [47, с. 26 ; 49, с. 358–359], Г.В. Колшанского [50, с. 318], Т.П. Ломтева [51, с. 31], И.П. Расопова [52, с. 29–31], Т.В. Шмелевой [53, с. 4, 54, с. 4] и др.).

Многоаспектность предложения как единого явления позволило выделять в нем формальный, семантический и коммуникативный аспекты, хотя это и не означает изоляции этих аспектов друг от друга. В комплексном, целостном подходе к изучению предложения заключается возможность выявления его фундаментальных свойств.

Обратимся сначала к номинативному (семантическому, денотативному) аспекту предложения, т.е. к аспекту, в котором проявляется отношение предложения к тому, что им обозначается – к денотатам.

Та часть означаемого предложения, которая представляет собой собственно информативное содержание предложения и имеет познавательное значение, в лингвистической науке получила название «семантическая структура предложения». Наряду с этим термином употребляются синонимичные «пропозиция», «событие», «ситуация».

Общепринятым считается мнение, согласно которому семантическая структура предложения изоморфна структуре внеязыковой ситуации, лежащей в основе предложения [52, с. 26–27]. Однако отношения между действительностью, мышлением и языком противоречивые и сложные, поэтому при изучении языковых явлений очень важен учет активности познающего субъекта. Он в зависимости от степени освоенности явлений действительности, от целей, условий общения так или иначе отражает определенный «кусочек» действительности. Иными словами, для сообщения о той или иной ситуации говорящий использует в соответствии с условиями общения какую-то определенную, необходимую именно в этих условиях, адекватную, с его точки зрения, данной ситуации форму предложения из множества возможных в языке.

Семантическая структура предложения – это то его языковое значение, которое создается взаимным действием семантики структурной схемы предложения и лексических значений заполнивших ее слов. Так, например, при общности семантики схем в парах предложений *Мальчик читает* и *Музыка восхищает*; *Ночь* и *Ссора*; *Сыро* и *Радостно*; семантические структуры входящих в эти пары предложений различны. Категориями семантической структуры предложения также являются предикативный признак, субъект-носитель предикативного признака и объект.

Семантическая структура предложения – это его абстрактное языковое значение, представляющее собою отношение семантических компонентов, формируемых взаимным действием грамматических и лексических значений членов предложения. Категории семантической структуры предложения принадлежат целым классам предложений и поэтому представляют собой единицы общезыковые.

Положение о двухчастности содержания предложения выдвигается в центр понятийного аппарата семантического синтаксиса. Его существо

сводится к следующему: высказывание, каким бы элементарным оно ни было, состоится в том случае, если в нем информация о мире, объективной действительности соединится с информацией субъективной, идущей от говорящего и момента общения.

«Так, в элементарном предложении типа *Идет дождь* информация о ситуации дождя (объективная) соединена с субъективной информацией о том, что говорящий утверждает это, представляя как событие реальное, совпадающее с моментом речи» [54, с. 16]. Субъективная информация как бы вторична, высказывание предпринимается не ради ее, она сопровождает объективную. Совпадая в своей объективной части, такие предложения различаются в субъективной части: *Вот бы дождь!; Хочется дождя; Шел дождь; Будет дождь; Какой дождь!*

Сравним предложения *Идет дождь* и *После дождя снова стало жарко и все опять ушли в лес*. Ясно, что диктум первого предложения проще, элементарнее: в нем отражен только факт дождя, тогда как во втором, помимо этого факта, имеются сведения о жаре, об уходе в лес каких-то лиц, о временной соотнесенности этих фактов. Используя понятие пропозиции, Т.В. Шмелева определяет диктум первого предложения как монопропозитивный, а диктум второго как полипропозитивный: он включает пять пропозиций – три событийных (*Прошел дождь; Стало жарко; Все ушли в лес*) и две логические (временные) [54, с. 17].

Предметом нашего исследования являются предложения с вводными конструкциями, в которых выражается позиция говорящего, а значит, его субъективное отношение к высказанному, т.е. к объективному «положению дел», событию, обозначенному в предложении.

В предложении (1) *Она нечаянно выдала приготовленный им сюрприз* сообщается о событии, которое выражено в предикативной основе: *Она выдала сюрприз*.

В предложении с вводным словом (2) ***Вероятно***, она нечаянно выдала приготовленный им сюрприз /А.Куприн/ эта информация осложняется субъективным смыслом: (предположительность – *вероятно*), высказанным говорящим.

В предложении с вводным словосочетанием (3) ***По словам матери***, она нечаянно выдала приготовленный им сюрприз сообщение о событии действительности осложняется информацией об источнике данного сообщения – *по словам матери*.

Если в предложении (1) содержится лишь информация о событии, имеющем место в объективном мире, то в предложениях (2) и (3), помимо объективной информации содержится субъективная, идущая от говорящего.

При этом в предложении (2) информация подается с точки зрения говорящего: говорящий выражает предположение по поводу сообщаемого им действия. Эта информация, идущая от говорящего, не входит в объективный смысл предложения, она как бы сопровождает, интерпретирует ее. В этом предложении выражается одна пропозиция.

Ср. еще предложения с вводными словами в аналогичной функции:

Об этом, как мне казалось, кричала каждая строчка романа /М. Булгаков/.

Наверное, около самой черной тучи летали перекасти-поле. Как, должно быть, им было страшно /А. Чехов/.

В предложении (3) содержится две пропозиции: одна, выраженная грамматической основой, другая в вводном словосочетании *по словам матери*, которое сообщает об авторе выраженной в предложении информации. Это вводное словосочетание можно развернуть в самостоятельное предложение: *Мать сказала (сообщила), что...*

Ср. еще предложения с вводными конструкциями в аналогичной функции: *Но, по слухам, какая-то часть упорно сражалась под Каменском /А. Фадеев/.*

Таким образом, вводные конструкции могут представлять собой различные по своей природе единицы: одни могут осложнять смысл предложения субъективным компонентом (*вероятно, кажется, действительно, должно быть, к счастью* и др.), а другие могут содержать информацию об источнике сообщения (*по мнению...; по словам...; говорят* и др.).

Таким образом, семантическая структура предложений с вводными конструкциями может осложняться дополнительными смыслами. Хотя при этом предложение остается простым, ибо его структурная схема сохранилась.

В синтаксической науке эти разновидности осложнения содержания предложения получили названия авторизация и модус [55, с. 300–318; 28; 1; 54, с. 18].

Сообщения о некотором «положении дел» объективной действительности осложняются добавочными (авторизационными и модусными) смыслами, привносимыми автором высказывания, даже если они не выражены эксплицитно. Зоной возникновения авторизационных и модусных смыслов является категория предикативности, в рамках которой говорящий сообщаемую информацию соотносит с действительностью по координатам «лицо», «время», «модальность».

Г.А. Золотова считает, что авторизация является одним из способов осложнения модели предложения – осложнением по линии модуса, Авторизованная модель имеет в своей структуре те или иные формы модусной рамки [28, с. 288].

По вопросу о природе осложняющих содержание предложения добавочных смыслов мы придерживаемся точки зрения М.В. Всеволодовой, которая, по ее мнению, является логическим продолжением идей Г.А. Золотовой, Т.В. Шмелевой, Н.Д. Арутюновой и др. На наш взгляд, эта позиция позволит дать исчерпывающее, непротиворечивое описание предложений с вводными конструкциями, а также решить некоторые спорные вопросы проблемы вводности.

Рассмотрим сущность указанных категорий авторизации и модуса.

М.В. Всеволодова пишет, что для разговора о субъективных осложнениях семантики предложения из всех составляющих категории предикативности важна координата «лицо» [55, с. 300].

Координата «лицо» позволяет выделить в предложении два события:

- 1 Положение дел, о котором сообщается – «сообщаемый факт».
- 2 Сам факт речи – «факт сообщения» [56, с. 100].

1. Сообщаемый факт характеризуется по двум показателям:

1) В отношении участия/неучастия в нем коммуникантов. Соответственно выделяются **я/мы–, ты_вы–, он/они – предложения**. Напр.: *Я, ей–богу, не виновата, ваше сиятельство* /А. Куприн, 20/; *Но, странно, рабочие точно провалились сквозь землю, вместо них Бобров уперся с разбегу в невысокий деревянный забор* /А. Куприн, 78/.

2) В отношении информации о факте восприятия, передачи, комментирования, об источнике информации о данном событии или о его оценке. Именно эта характеристика составляет основу категории авторизации. Напр.: *Осенью охотники жаловались, что зайцы куда–то пропали* /М. Пришвин/.

2. Факт сообщения характеризуется:

- 1 Относительно роли субъекта сообщаемого факта в акте коммуникации (это своего рода оборотная сторона «сообщаемого факта»). Соответственно 1-е лицо указывает на отправителя информации – адресанта как активного участника коммуникации; 2-е лицо характеризует получателя информации, адресата – пассивного участника данного фрагмента коммуникации; 3-е лицо называет не участника коммуникации, лицо, предмет, событие, отстраненное от факта сообщения, хотя и присутствующее в сообщаемом факте.
- 2 В плане отношения говорящего – субъекта

а) к сообщаемому факту в целом или к отдельным его составляющим, выделение и оценка им тех или аспектов в сообщаемом факте;

б) ко второму участнику или участникам акта коммуникации.

Именно эти характеристики составляют основу категорий модуса – его оценочных (кваликативных), ментальных и социальных категорий.

Сообщения о некотором «положении дел» объективной действительности осложняются добавочными (авторизационными и модусными) смыслами, привносимыми автором высказывания, даже если они не выражены эксплицитно. Авторизация как осложняющий семантику предложения компонент относится к самому сообщаемому факту, а модусная характеристика высказывания – к самому акту речи – факту сообщения. Как мы продемонстрировали выше, эти дополнительные смыслы могут выражаться вводными конструкциями.

Авторизация и модус – это теснейшим образом связанные, выходящие «из одного корня» (зоны предикативности), но все–таки различные категории.

2.5.1 Авторизация в предложениях с вводными конструкциями

Особого рассмотрения заслуживает идея об обязательном соединении в предложениях с вводными конструкциями объективных и субъективных элементов смысла. Эту мысль связывают с именем Ш. Балли, используя его термины для обозначения объективной части – диктум, и субъективной – модус

[57, с. 44]. С этим положением перекликается идея субъективности в языке Э. Бенвениста, позволяющая выявить весь спектр проявления говорящего субъекта в предложении [58, с. 115].

Для характеристики объективного содержания предложения, наряду с термином «диктум», используется термин «пропозиция», который большинство ученых рассматривают как модель названного предложением события [47]. Пропозицию определяют как основу диктумного содержания (Н.Д. Арутюнова [47], Т.В. Шмелева [54], Т.А. Колосова [59]). Существенно, что «это не все содержание предложения, а только его, а только та его часть, которая отражает денотат–событие, описываемое предложением, фрагмент действительности (или вымышленного мира), «положение вещей» [60, с. 119].

Многообразие подходов к идее двухчастности содержания предложения с разных сторон и в русле разных традиций отражено во множественности терминов: наряду с диктумом и модусом лингвисты употребляют пары «пропозиция» и «модальная рамка», «дескриптивная» и «кваликативная структуры» и др.

В схемной семантике чаще видят «языковой способ представления действительности» (С.И. Кокорина) или «синтаксическую проекцию вещественного содержания предложения» (В.А. Белошапкова). Это связано с событийным (диктумным) элементом смысла предложения и с возможностью выразить его с помощью разных структур, передавая номинативное содержание предложения в различной «грамматической проекции».

Сообщения о некотором «положении дел» объективной действительности, как уже отмечалось, осложняются добавочными (авторизационными и модусными) смыслами, привносимыми автором высказывания, даже если они не выражены эксплицитно.

Рассмотрим предложения с вводными конструкциями, выражающими авторизационные смыслы.

Авторизация содержит указание на автора сообщения или источник сообщения. Авторизация обычно входит в диктум высказывания, составляет определенную часть его содержания и на денотативном уровне состоит как минимум из двух компонентов: субъекта авторизации (авторизатора) и акта авторизации. Авторизатор соотносится так или иначе с субъектом факта сообщения. Передаваемая информация может квалифицироваться говорящим как относящаяся: а) к нему или б) к другому лицу. На основании этой оппозиции выделяются два типа авторизации:

1) Субъективированная (я/мы–авторизация), где говорящий и авторизатор совпадают.

Напр.: *Дело, **по–моему**, переходит за те границы, где можно смеяться и рисовать забавные рисуночки* /А. Куприн, 39/ (я–авторизация).

2) Объективированная (ты/вы–, он/они–авторизация), где адресант и авторизатор – разные лица.

Напр.: *Что же, **по–твоему**, с сумой лучше идти?* /А. Куприн, 92/ (ты–авторизация).

– Но, послушайте, голубчик вы мой, – возразил доктор, сбитый с толку пылкостью Боброва, – тогда, **по-вашему**, лучше будет возвратиться к первобытному труду, что ли? /А. Куприн, 29/ (вы-авторизация).

Акт авторизации выражается разными средствами [55, с. 222–223]:

а) глаголами авторизующего значения (*слышать, видеть, наблюдать, доноситься* и др.), напр.: *Эти птицы еще **встречаются** в степи*;

б) глагольными связками (*считаться, казаться, называться* и др.), напр.: *Иной **оказалась** судьба юго-западных княжеств* (Л. Гумилев);

в) краткими прилагательными (*виден, слышен, известен* и др.), напр.: *Такие случаи **известны***;

г) предикативными конструкциями, вводящими изъяснительную часть: ***Известно**, что дети растут впереди своих лет* /Л. Розанов/;

д) модусные частицы (*как бы, словно, будто, якобы, вряд ли* и др.), напр.: *Эти учительницы постоянно были вдвоем, и прочей публики для них **точно** не существовало* /Л. Розанов/, ср. у В.В. Виноградова: модальные выражения, образующие сравнительные частицы: *словно, будто, как бы, точно* и др. [22, с. 579];

е) вводными конструкциями (*по-местному, как говорят..., точнее, наверное, вероятно, по-видимому, конечно, обязательно, несомненно, может быть, по-моему, другими словами, короче говоря* и др.), напр.:

***По его мнению**, нам вовсе не следовало бы отдавать французам вырабатывать проект завода, если дома есть такие сведущие люди, как Андрей Ильич* /А. Куприн, 9/.

***Говорят**, целые ночи простаивал под ее окнами* /А. Куприн, 34/.

М.В. Всеволодова выделяет следующие типовые ситуации авторизации [55, 302–303]:

- 1 Типовая ситуация введения новой номинации и пояснения, которая выражается глаголами *называть, называться, значить* и др. Напр.: *Во время «декохта», что на морском и портовом жаргоне **обозначают** полное безденежье, к Сашке свободно обращались за мелкими суммами и за небольшим кредитом у буфета* /А. Куприн/.

Типовая ситуация указания на источник информации, которая выражается глаголами *сообщать, напечатать, передавать* и вводными конструкциями.

Напр.: ***Как сообщает журнал «Химия и жизнь»**, в настоящее время известно около 6 миллионов химических соединений.*

*На другой день после этого свидания пришелся как раз праздник Святой Троицы, выпавший в этом году на день великомученика Тимофея, когда, **по народным сказаниям**, бывают знаменья перед неурожаем* /А. Куприн, 114/.

*Свадьба, **по словам рассказчика**, чуть-чуть было не состоялась, но в самую критическую минуту отчаянная банда лжесвидетелей, участвовавших в деле, вдруг забастовала, требуя прибавки к заработной плате* /А. Куприн, 19/.

- 2 Типовая ситуация указания на введение известной информации выражается вводными предложениями. Напр.:

***Рожь, я тебе скажу**, Верочка, преестественная* /А. Куприн, 34/.

Я, доложу вам, только одно лекарство употребляю – нашатырь /А. Куприн, 55/.

- 3 Качественная характеристика акта авторизации выражается вводными единицами: *грубо говоря, так сказать, по правде сказать, проще говоря, короче говоря, другими словами, или иначе* и др. Напр.:

Это назначение будет, так сказать, свадебным подарком для молодых от глубокоуважаемого Василия Терентьевича /А. Куприн, 73/.

Мы, по правде сказать, с этим Андреа уже порядочно наконьичились /А. Куприн, 69/.

- 4 Характеристика автором общности обозначенного события, напр.:

– Ведьмака? – медленно переспросил, по своему обыкновению, Ярмола /А. Куприн, 61/.

Против обыкновения, ни один человек не снял шапки, но шум как будто бы утих при моем появлении /А. Куприн, 116/.

А другие внизу живут, под самой землей, в сырости и холоде; случается, что солнца у себя в комнате круглый год не видят /А. Куприн, 86/.

А ты, бывало, всегда такая невнимательная, скучная, сердитая... /А. Куприн, 104/.

Предложения с авторизационным компонентом всегда полипропозитивны.

Так, в предложении с вводным словом *По словам Маши, хозяин квартиры – человек обстоятельный* /А. Фадеев/ выражается две пропозиции: одна пропозиция в предикативной основе *хозяин квартиры – человек обстоятельный*, другая – в вводной единице *по словам Маши*: Маша сказала. При этом авторизационный компонент содержания предложения, выраженный вводным словосочетанием *по словам Маши*, входит в диктум.

Полипропозитивность предложений с вводной авторизованной конструкцией может быть продемонстрирована трансформацией этого предложения в сложное: *Как говорит Маша, хозяин квартиры – человек обстоятельный*, где авторизация выражена предикативной основой предложения; или в простое: *Маша высказалась о хозяине квартиры как о человеке обстоятельном*, в котором сообщаемый факт оттесняется на позиции второстепенных членов предложения. К тому же это доказывает то, что авторизация входит в диктумный компонент семантики предложения.

Ср. еще: *Вот и теперь: правление уполномочило его ускорить работы, то есть, иными словами, он сам себя уполномочил к этому* /А. Куприн, 10/. – *Вот и теперь: правление уполномочило его ускорить работы, я скажу иными словами, он сам себя уполномочил к этому*.

Средства авторизации часто формируют главную часть сложноподчиненного предложения, напр.: *Начальник главного штаба Бертое озабоченно доложил, что австрийцы уже двинули свой авангард в Богемию*. В этом случае авторизационная ситуация и сообщаемый факт ведут себя одинаково, оба выражены в предикативных основах. Это предложение синонимично простому предложению с вводным словосочетанием: *По последнему докладу озабоченного начальника главного штаба Бертое, австрийцы уже двинули свой авангард в Богемию* /Г. Серебрякова/. В этом

случае средство авторизации (вводное словосочетание *по последнему докладу озабоченного начальника главного штаба Бертое*) уступило центральную позицию сообщаемому факту, отойдя в тень.

Ср. аналогичные случаи, когда центральную позицию занимает сообщаемый факт, а вводные конструкции, отойдя в тень, становятся второстепенными, добавочными в семантической структуре предложения: ***Я хотел бы сказать, что от холода прямодохнем*** → *От холода, можно сказать, прямодохнем* /А. Куприн, 58/.

Интересно рассмотреть синонимию предложений с вводными единицами (в данном случае с авторизованными вводными единицами) с другими синтаксическими конструкциями.

Уточняя характер трансформаций, применяемых для анализа предложения, Е.А. Седельников выделяет «внутренние» преобразования, которые состоят «в преобразовании форм предложения в пределах одной модели (что совпадает с понятием парадигматического анализа) и «внешние» трансформации, которые «являются межмодельными и с помощью которых образуются разные модели предложения» [61, с. 72].

Между парадигматическими свойствами слова и предложения учеными проводится аналогия, которая ведет к различению изменительной и образовательной парадигм и по отношению к предложению (подобно слову). Выделяют аналогично словообразовательным отношениям слов деривационные отношения в синтаксисе [62, с. 43–44; 63, с. 51]. Изменительная парадигма предложения представляет собой внутримодельные преобразования, или собственно парадигму предложения.

Образовательную парадигму предложения составляют межмодельные преобразования, при которых устанавливаются закономерные отношения не только между вариантами предложения в рамках одной модели, но и между разными моделями предложений. Толчком к осмыслению парадигм образовательного типа стало появление понятия регулярных реализаций структурной схемы предложения [20]. Регулярные реализации структурной схемы, предложения рассматриваются как синтаксические дериваты, набор которых образует деривационную парадигму предложения [62, с. 36].

При анализе явлений синтаксической синонимии необходимо учитывать тот факт, что между действительностью и языком существует семантический уровень языка (идеальный, сигнификативный). Ю.Д. Апресян, например, выделяет в предложении денотативное значение (определяемое как внеязыковая ситуация) и сигнификативное значение (определяемое как способ представления ситуации говорящим) и поясняет это различие на примерах типа *Петр – отец Ивана* и *Иван – сын Петра*, которые, по его мнению, имеют одно денотативное, но разные сигнификативные значения /52, 5–6/.

Как отмечалось, при изучении языковых явлений очень важен учет активности познающего субъекта. Он в зависимости от своих знаний о действительности, от целей, условий общения определенным образом отражает фрагмент действительности. Для сообщения о той или иной ситуации говорящий использует в соответствии с условиями общения какую-то

определенную, необходимую именно в этих условиях, адекватную, с его точки зрения, данной ситуации форму предложения из множества возможных в языке.

Т.В. Шмелева предлагает говорить о синтаксических синонимах как о разных репрезентациях пропозиции, иными словами, о разных способах наименования события разными синонимичными предложениями /42/.

Сравним синтаксические синонимы, в ряду которых и предложения с вводными авторизованными конструкциями:

- (1) *По словам Гринева, я потрясен был от Пугачева в Оренбург шпионом* /А. Пушкин/ – предложение с вводным словосочетанием, указывающим на источник сообщения;
- (2) *Говоря словами Гринева, я потрясен был от Пугачева в Оренбург шпионом* – предложение с вводным словосочетанием, указывающим на источник сообщения;
- (3) *Как сказал Гринева, я потрясен был от Пугачева в Оренбург шпионом* предложение с вводным предложением;
- (4) *Гринева сказал, что я потрясен был от Пугачева в Оренбург шпионом* – сложноподчиненное изъяснительное предложение;
- (5) *Гринева сказал о моем направлении Пугачевым шпионом в Оренбург* – простое предложение.

Во всех приведенных синонимических предложениях выражаются две пропозиции: первая – *я потрясен был шпионом*, вторая – об этом сообщил Гринева, выраженная авторизованными конструкциями. Значит, в них сохраняется одинаковое типовое значение, т.е. имеют одно денотативное значение, но разные сигнификативные. Они по-разному репрезентируют пропозицию и представляют собой разные способы наименования события.

Если в части сложноподчиненного предложения (4), выражающей авторизацию, и в простом предложении (5) авторизованные конструкции являются членами предложения, то вводные конструкции членами предложения не являются, поскольку они грамматически не связаны ни с одним словом предложения.

Позиция члена предложения подчеркивает значимость информации, выражаемой этими членами, т.е. грамматическая включенность этих единиц в состав предложения позволяет говорить и об их семантической значимости для выражения смысла предложения, аналогической информации о сообщаемом факте. Смещение с центральных позиций, «понижение» языковых единиц в ранг вводных – не – членов предложения, а значит выведение за пределы структурной схемы предложения, свидетельствует о факультативности, добавочности этих конструкций в выражении смысла предложения.

Вводные компоненты являются специализированным ядерным средством выражения субъективно-модальных значений [Виноградов В.В., Пешковский А.М., Гвоздев А.Н., Прияткина А.Ф., Лекант П.А., Пименов Е.Н.]. В данной работе статус вводных компонентов рассматривается в аспекте коммуникативной структуры высказывания. В этом случае становится очевидным, что позиция вводного компонента – это позиция подчиненности

реме, актуализатора ремы, а сам вводный компонент – единица высказывания, а не предложения, субъективно-модальный квалификатор. Наиболее ярко это демонстрируют вводно-модальные слова, так как именно новая информация в предложении оценивается говорящим в аспекте достоверности–недостоверности: *«Правда, искать для своего питомца новых хозяев никто не стал, собаку просто выселили во двор двухэтажки, где на приколе давно стояла старенькая «Нива»»*. (Галина Егорова «В недобрые руки»// Звезда Прииртышья 19 сентября 2013); *«К сожалению, наше законодательство таково, что скорее позволит бедному псу умереть в заключении, которого он ничем не заслужил, чем выпустят его на волю»*. (Галина Егорова «В недобрые руки»// Звезда Прииртышья 19 сентября 2013); *«Между прочим, среди женщин самой меткой оказалась представительница павлодарской команды – инспектор по делам с несовершеннолетними Баянаульского РОВД капитан полиции Айжан Жаминава»*. (Галина Лебедева «Встретились на полигоне...»// Звезда Прииртышья 19 сентября 2013).

Сказанное касается и вводных компонентов других групп: вводно-эмоциональных, вводно-авторизирующих, вводно-обобщительных, вводно-контактных. Все они так же, как и вводно-модальные, тяготеют к реме, а в ряде случаев способствуют актуализации в высказывании дополнительных рематических центров, участвуя в оформлении присоединительных связей или полупредикативных связей.

В рамках формально-грамматической структуры предложения вводные слова не имеют синтаксических связей с членами предложения. Они связаны с актуальным членением, подчинены рематическому компоненту, однако не являются частью ремы, а представляют собой самостоятельный элемент актуальной структуры – субъективно-модальный квалификатор. В этом убеждает и невозможность номинализации предложений с вводными словами указанных групп, например: *Почта запоздала, видишь ли, на неделю. – Опоздание почты, видишь ли, на неделю; Их обитатели, без сомнения, проникли вглубь своей предыстории – Без сомнения, проникновение обитателей в глубь своей предыстории*. При номинализации предложение теряет признаки действительного сообщения, в силу чего присутствие в нем вводного слова лишено функционального смысла. Данный факт убеждает в отсутствии у вводных компонентов синтаксических связей в формально-грамматической структуре предложения, в нерядоположенности этих единиц главным и второстепенным членам предложения. Принадлежность вводных слов плану актуального членения подкрепляется также их морфологической бесформенностью, отсутствием у них форм словоизменения. А, как известно, принадлежность к тому или иному компоненту актуальной структуры, то есть к теме или реме, не опирается на семантико-морфологические свойства и синтаксическую функцию слова.

Существенным является открытый характер категории вводности, которая продолжает активно пополняться, в первую очередь за счет частиц и модальных фразеологизмов. Названные единицы обнаруживают тенденцию к обособлению, что обусловлено их функцией как субъективно-модального

квалификатора, самостоятельного элемента тема-рематической структуры, актуализатора ремы. Важным представляется отсутствие четких границ между отдельными группами вводных компонентов. Среди вводных слов не редки случаи полифункциональности, гибридности, перехода из одной семантической группы в другую, что связано с характером речевой ситуации, прагматическими установками автора речи и доказывает тесные связи категории субъективной модальности с категориями эмотивности, оценочности, градуальности и др.

Вводные конструкции представляют собой такие языковые единицы, которые являются факультативными в составе предложения и могут быть устранены без ущерба для семантики последнего. Факультативность вводных единиц в составе включающего предложения была во многом обусловлена их генезисом. Синонимия предложений с вводными единицами подтверждается и тем фактом, что предположительно вводные слова, словосочетания возникли из предложений.

В традиционной синтаксической науке отмечалось, что вводные слова представляют собой «редуцированное» предложение, или «часть неоконченного, недоговоренного предложения» или «как результат сокращения некогда полного предложения, от которого осталась лишь та или другая часть, иногда превратившаяся в частицу» [26, с. 297–298].

Г.А. Золотова пишет по этому поводу: «Ассиметричность отношения частей в подобных предложениях большая смысловая весомость придаточной части, подтверждаемая относительным безразличием формы модусного компонента, проявляется и возможностью его редуцировать до вводного слова» [28, с. 351].

Таким образом, особенность авторизованных вводных конструкций заключается в следующем:

1. Авторизованные вводные конструкции, входят в диктум предложения, т.е. в основное сообщение, референтом которого является ситуация действительности.
2. Включенность авторизованных конструкций в диктум предложения обуславливает тот факт, что предложение в целом является полипропозитивным: в нем содержится информация о каком-либо событии реальности и указание на источник, характер данной информации.
3. Вводные единицы, в отличие от других авторизованных конструкций, не являются членами предложения, так как грамматически не связаны ни с одним словом предложения.
4. Авторизованные конструкции состоят из двух компонентов: субъекта авторизации (авторизатора) и акта авторизации, при этом авторизатором может быть и сам говорящий, и любое другое лицо.

2.5.2 Вводные конструкции как средства выражения модусных смыслов предложения

Под диктумом понимается «основное сообщение, референтом которого является некоторое положение дел в той реальности, которая отображается в

речи» [57, с. 35]. Модус – это «вербализованная субъективная интерпретация диктумного события, которая может даваться в аспекте модальности или в аспекте характера психической обработки представления (информации) о диктумном событии» [57, с. 34].

Сообщения о некотором «положении дел» объективной действительности, как уже отмечалось, осложняются добавочными (авторизационными и модусными) смыслами, привносимыми автором высказывания, даже если они не выражены эксплицитно.

Рассмотрим предложения с вводными конструкциями, выражающими модусные смыслы.

Выделение в высказывании диктумной и модусной частей обуславливает деление предикатов на два класса: предикаты диктума, выражающие объективную информацию, и предикаты модуса (модусной рамки), «проявляющие» позицию субъекта речи. Первые представляют «отрезок» внеязыкового бытия, вторые, в отличие от первых, не являются самостоятельными, они функционируют как рамка объективной информации, интерпретируют диктум [64, с. 33].

Модусные смыслы «аранжируют» (по выражению Т.В. Шмелевой) основное содержание высказывания. Т.В. Шмелева называет их «обертонами», сопровождающими основную мелодию – диктум высказывания.

Модусные смыслы могут быть выраженными и не выраженными словесно. Напр., в высказывании *Нужна мне твоя книга*, помимо основной, содержится информация: «твоя книга мне совсем не нужна». Именно этот смысл, вербально не выраженный, и составляет модусный, сопровождающий основное содержание предложения.

Напомним сравнение модуса Т.В. Шмелевой с обертонами, а обертоны, как известно, на нотном стане не записываются.

Для выражения модусных смыслов в языке нужна модальная рамка (по А. Вежбицкой), или рамочные модусные средства. Средства выражения модуса представляют собой рамку, поскольку они как бы обрамляют, сопровождают основное содержание (диктум) предложения.

«Рамочная» роль модуса предполагает вовлечение в него широкого круга значений, но ни для одного из них не исключена возможность быть центром предложения, той информацией, ради которой и предпринимается высказывание.

Напр., в предложении: – *Я вас, **кажется**, напугал, дорогой мой? – спросил доктор, внимательно заглянув в лицо Боброва* /А. Куприн, 49/. содержится объективная информация о том, что доктор напугал Боброва, которая обрамляется субъективной, модусной, идущей от говорящего и выражающей сомнение доктора в достоверности сообщаемого.

Таким образом, модус – это «вербализованная субъективная интерпретация диктумного события, которая может даваться в аспекте модальности (т.е. возможности, вероятности события и степени достоверности сообщения о нем) или в аспекте характера психической обработки представления (информации) о диктумном событии» [64, с. 34-35].

Посредством вводных конструкций осуществляется модальная, экспрессивная и эмоциональная оценка сообщения, значит, они и представляют собой средство выражения модусного содержания предложения. Значит, в предложениях с вводными конструкциями обязательно присутствуют объективные и субъективные смыслы.

Напр.: *Надо принимать меры, и... и, **кажется**, нам лучше всего будет немедленно уехать отсюда /Куприн/.* Компонентами фиксируемой в предложении ситуации является субъект (*нам*) и выполняемое им действие (*принимать меры, уехать*). Таков денотативный план предложения, его объективная семантика. Семантика предложения без модусного компонента предстает неполной. Предложение обладает модальным значением, т.е. синтаксическая конструкция представляет ситуацию с точки зрения говорящего. Говорящий выражает сомнение по поводу предлагаемого им действия, выраженное в вводном слове *кажется*.

В предложениях с вводными конструкциями выражается субъективная интерпретация диктумного события, которая дается:

(А) в аспекте модальности (т.е. возможности, вероятности события и степени достоверности сообщения о нем);

(Б) или в аспекте характера психической обработки представления (информации) о диктумном событии.

Приведем предложения, в которых содержится интерпретация диктумного события в каком-либо модальном плане (А):

1) вероятность совершения события: *Вы начали говорить о вчерашнем дне, потом о каких-то прекрасных мгновениях, потом сказали, что я, **наверно**, давно уже заметила... но что? /А. Куприн, 38/;*

2) возможность совершения события: ***Может быть**, на простые дикie нравы влияла эта кроткая и смешная доброта, весело лучившаяся из его глаз, спрятанных под покатым черепом? /А. Куприн, 411/;*

3) достоверность сообщения о событии: ***Действительно**, вид у Боброва был ужасный /А. Куприн, 81/;*

*Да она, **правда**, колдунья /А. Куприн, 81/.*

Характер психической обработки информации о диктумном событии (Б) выражается в следующих предложениях:

1) положительная оценка сообщаемого: ***Но к моему удивлению**, он вдруг заговорил с ленивой небрежностью и как будто бы обращаясь не ко мне, а к гудевшей печке... /А. Куприн, 60/.*

***К счастью**, Печорин был погружен в задумчивость /М. Лермонтов/.*

2) отрицательная оценка события: ***К сожалению**, в обществе в целом общая образованность падает и место интеллигентности заступает полуинтеллигентность (Д. Лихачев).*

В предложении ***К своему полному разочарованию**, мальчик не видел ни плачущих ив, ни серого неба /В. Катаев/* модус выражается вводным словосочетанием *к своему полному разочарованию*, семантика которого содержит субъективно-оценочную сему.

Существует несколько классификаций модусов. Н.Д. Арутюнова выделяет четыре плана эксплицитных модусов: перцептивный (сенсорный), ментальный (когнитивный, эпистемический), эмотивный, волеизъявительный (волитивный) [1, с. 411–440]. Г.А. Золотова выделяет пять модальных рамок: перцептивная, ментальная, волюнтивная, реактивная, речевая [28, с. 280].

М.В. Всеволодова выделяет, вслед за Т.В. Шмелевой [54], четыре класса модусных категорий: метакатегории, актуализационные, квалификативные (оценочные), социальные [55, с. 306–312]. Мы опираемся на классификацию М.В. Всеволодовой.

Актуализационные категории модуса – это категории предикативности, вводные слова не участвуют в их выражении. Социальные категории модуса отражают отношения между адресантом и адресатом: *Здравствуйте! Предъявите билет! Ирина!* и др. /подробнее об этом [54, с. 39–41].

Вводные конструкции служат средством выражения таких модусных смыслов, как метакатегории и квалификативные категории.

Рассмотрим эти категории способы их выражения вводными единицами. Кваликативные категории квалифицируют сообщаемое с авторских позиций по некоторым аспектам. Это может быть квалификация и собственно информации в целом, и отдельных компонентов сообщаемой ситуации. К числу таких категорией некоторые ученые относят и авторизацию – квалификацию информации как своей/чужой и квалификация способа получения. Несомненно, авторизация связана с модусом, однако она не сводится к выражению только модусных смыслов [55, с. 307].

В число квалификативных категорий включаются персуазивность (т.е. субъективная модальность) и оценочность.

1. Персуазивность выражает авторскую точку зрения на достоверность сообщаемой информации, его уверенного или неуверенного знания [55, с. 309–310; 23, 478–479].

Напр.: *В десятилетнем возрасте он стал **якобы** князем ростовским, а в тридцать два возглавил Новгород /Филист/.* Слово *якобы* одновременно выражают информацию как идущую от другого источника и как такую, за достоверность которой говорящий ответственности не несет.

Одним из средств выражения персуазивности являются вводные конструкции. Ср. выделенные В.В. Виноградовым слова, содержащие логическую оценку достоверности высказывания: *несомненно, безусловно, очевидно, видимо, в самом деле, подлинно* [22, с. 578].

В принципе уверенность в достоверности информации в обычных условиях не выражается: *Игроки были всегда.* Эксплицитное выражение уверенности проявляется в ситуациях дискуссии, спора, при необходимости воздействовать на слушателя, «навязать свою точку зрения» [42, 37]. Напр.: *Переход к рынку, **безусловно**, необходим и неизбежен; **В сущности**, в каждом русском интеллигенте сидит немного развигателя* /А. Куприн, 112/.

Неуверенность в достоверности / уверенность в недостоверности сообщаемого должны быть выражены: ***Очевидно**, стены расписывал иностранный мастер* /А. Куприн, 399/.

Степень уверенности/неуверенности может быть различной.

1) **Конечно**, бабу деревенскую обморочить ничего не стоит, но вас бы я не стала обманывать /А. Куприн, 81/.

2) Ты, **верно**, с ума сошел? /А. Куприн, 129/.

3) Ну да, **пожалуй**, мне это было бы приятно /А. Куприн, 113/.

4) – **Должно быть**, Нина рассказала все матери и получила от нее выговор, – догадался Бобров и подошел к Нине /А. Куприн, 62/.

5) **По-видимому**, не было ни одной, которой бы он не знал наизусть /А. Куприн, 405/.

Вводные единицы (3, 4, 5) выражают проблематическую достоверность, а вводные единицы (1, 2) – категорическую достоверность [28, с. 424].

Показатели достоверности (*безусловно, в самом деле, действительно, конечно, несомненно, разумеется* и др.), наличие которых в предложении факультативно, не вносит изменений в персуазивную характеристику предложения. Их функция – экспрессивная: они служат знаком того, что говорящий по каким-либо причинам (например, предполагая, что у слушающего могут быть сомнения в достоверности того, о чем сообщается) настаивает на достоверности сообщаемого.

II. Оценочность – факультативная модусная категория, семантика которой сводится к выражению авторского позитивного или негативного отношения к диктумному содержанию в целом или какому-то из его элементов.

Несмотря на свою необязательность, оценочность располагает разнообразными и многочисленными средствами выражения: это и изъяснительная конструкция, которая решает разные модусные задачи (*Хорошо, что он не уехал вчера; Лучшие, чтобы они вообще об этом не знали*), и предложения со вводными конструкциями (*К счастью, они вообще об этом не знали*), и предложения типа *Какой у нее голос! Как они пели!* и многие другие средства.

Предложения с вводными конструкциями выражают оценочные значения, напр.:

К счастью, опиуму они не наелись /А. Куприн, 28/.

Слава богу, мне не придется ходить далеко за возражениями, потому что я сейчас разобью вас вашей же возлюбленной теорией /А. Куприн, 26/.

Выражение модуса требует указания на мыслящий субъект, производящий данную модусную операцию. В предложении он может быть представлен либо прямым обозначением лица в падежных формах с субъектным значением (именительном, дательном падежах: **Я** считаю, ...; **Мне** кажется..., а при глаголах страдательного залога – творительным падежом: *Он считался нами...*), либо косвенно посредством компонентов с релятивным значением, например: *Наталья Гавриловна славилась на ансамблях лучшей танцовщицей* (А.С. Пушкин). Субъектом модуса в этом предложении являются те, кто присутствовал на ансамблях.

Например, в предложении *Лошадка Мо, к истинному моему удивлению, бежала очень недурно* /И. Тургенев/ сообщается о том, что лошадка Мо бежала недурно (объективная ситуация – диктум). Это событие оценивается

говорящим: оно его поистине удивило. Оценка говорящего выражена в вводном словосочетании *к истинному моему удивлению*. Значит, в этом предложении налицо два субъекта: субъект диктума (*лошадка Мо*) и субъект модуса (оценки) – говорящий (я – *моему*).

Конструкции с оценочными словами Г.А. Золотова характеризует как полисубъектные: «оценочные слова создают в предложении потенциальную позицию субъекта оценки, которая может быть по смысловой надобности заполнена соответствующим лексико-синтаксическим способом» /14, 110/.

Исходя из того, что оценка, выраженная вводными конструкциями, всегда принадлежит какому-то лицу, субъекту, индивидуальному или коллективному (субъекту модуса), а субъект оценки (модуса) может быть неназванным, но ясным из контекста, можно говорить о наличии более сложной, полисубъектной, диктумно-модусной структуры в предложениях с вводными конструкциями. Даже когда говорящий подвергает оценке собственное действие (в отличие от чужого), он судит о нем с точки зрения общественного мнения, критериев, принятых в данном коллективе, среде. Субъект модуса, таким образом, либо включает субъект действия, либо противостоит ему.

Таким образом, на всех уровнях своего проявления категория модальности подразумевает оценивающего субъекта как главного участника в процессе коммуникации.

В процессе познания действительности говорящий отображает ее в зависимости от своих установок и понимания того, что его окружает. Одна и та же ситуация действительности (диктумное событие) в языке может обозначаться разными способами, при чем с разными модусными характеристиками.

Наличие модусного компонента в семантике предложения может подчеркиваться при сопоставлении с другим предложением – с иным модусным значением или без него. Например,

Теперь вихри поднимались под самое небо (отсутствие модусного компонента);

Теперь, по всей вероятности, вихри поднимались под самое небо (А.П. Чехов) модусная оценка вероятности совершения диктумного события);

Теперь, в самом деле, вихри поднимались под самое небо (достоверная оценка диктумного события);

Теперь, к несчастью, вихри поднимались под самое небо;

Теперь, на беду, вихри поднимались под самое небо (отрицательная эмоциональная оценка события);

Теперь, ко всему прочему, вихри поднимались под самое небо (выражение досады по поводу названного диктумного события).

Значит, в приведенном ряду предложений сообщается об одном и том диктумном событии, которое облекается в различные модусные рамки в зависимости от отношения говорящего. Средством выражения этих различных модусных смыслов являются вводные конструкции.

Таким образом, мы рассмотрели вводные слова как выразители модусных смыслов – квалификативных категорий персуазивности и оценочности.

Как отмечалось, антропоцентрический подход активизировал интерес к личностным и социальным сторонам деятельности человека. В антропоориентированных исследованиях пристальное внимание уделяется «человеческому фактору», ибо для того, чтобы понять и познать язык, нужно обратиться к его носителю – человеку, говорящей и мыслящей личности. В связи с этим языковые явления изучаются в тесной связи с человеком, его мышлением, духовно-практической деятельностью, поскольку человек познает мир через осознание себя, своей теоретической и предметной деятельности в нем.

Вводные единицы являются объектами прагматики, так как входят в ту часть смыслового содержания высказывания, которая раскрывается только на фоне реального общения, всегда обусловленного экстралингвистическими факторами. Именно благодаря прагматике возможен анализ тончайших оттенков реального употребления вводных конструкций в предложениях, а также выделение и рассмотрение их в отношении к процессу общения, т.е. к конкретным лицам, которые пользуются языком, к конкретной внелингвистической ситуации, к целям и задачам конкретного высказывания (см. работы Дж. Остина, Дж. Серла, А. Вежбицкой, Ю.С. Степанова, Ч. Морриса, И.П. Сусова, В.Г. Гака и др.).

Объектом изучения прагмалингвистики является речевой акт как основное звено коммуникативной деятельности, имеющее все признаки этой деятельности и противостоящее системно-структурным единицам. Речевой акт определяется условиями, задачей, мотивом и целью, которыми обладает и которые выдвигает автор высказывания, являющийся активной стороной в акте коммуникации. Прагматику речевого общения следует искать прежде всего в сфере внеязыковой, в сфере взаимоотношений людей, участвующих в процессе коммуникации. Становится очевидным, что одним из важнейших средств реализации грамматической установки текста является его модальность, в особенности, ее субъективно–оценочный компонент.

Как одно из главных средств выражения субъективной модальности вводные единицы представляют собой выражение некоторой интенции говорящего, следовательно, насыщены прагмакоммуникативным значением, что обоснованно делает их объектом изучения прагмалингвистики, сущность которой заключается в том, что она всем своим содержанием нацелена на воздействие.

Таким образом, антропоцентрическая парадигма, ориентированная на человека, поставила новые задачи в исследовании языка и требует новых методик его описания, подходов при анализе его единиц, категорий, правил. Идея антропоцентричности языка подвигает к исследованию взаимосвязей языка и человека, семантической стороны языковых единиц, специфики проявления в них объективного и субъективного содержания, т.е. «языковых следов присутствия говорящего в предложении» [31].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Идею антропоцентричности языка в настоящее время можно считать общепризнанной: для многих языковых единиц (слов, предложений, текста) представление о человеке выступает в качестве естественной точки отсчета. Антропоцентрический подход к анализу языка ставит целью изучение взаимосвязей языка и человека, семантической стороны языковых единиц, специфики проявления в них объективного и субъективного содержания, т.е. «языковых следов присутствия говорящего в предложении». Именно в рамках данного подхода понятия «автор», «образ автора» являются ключевыми в современном языкознании.

Для антропоцентрических исследований характерно обращение к человеку, говорящей и мыслящей личности, а также изучение языковых явлений в тесной связи с человеком, его мышлением, духовно–практической деятельностью, специфики проявления в них объективного и субъективного содержания, т.е. способов выражения говорящего в языке. Языковые единицы, ориентированные на *ego* – на говорящего, содержат прежде всего указание на самый акт речевого общения.

Всякое высказывание можно рассматривать как выражение определенной позиции говорящего по отношению к другим лицам, т.е. как естественную речевую эгоцентричность. Языковая сущность эгоцентризма заключается в том, что в отдельном высказывании и в целом тексте обязательно наличествует лицо – автор текста. Без автора речь невозможна, ибо от него исходит сообщение и он является субъектом речи или субъектом оценок. Эгоцентризм – это разноаспектные представления говорящего (пишущего) в тексте. В связи с этим экспликация эгоцентризма означает выявление языковых единиц, ориентированных на говорящего и момент речи, а также отсылок на самый акт речевого общения.

Категория образа автора является одним из компонентов субъектной организации текста (публицистического – не исключение). Так, по мнению Н.Д. Арутюновой, публицистический текст «погружен в жизнь», «он существует только тогда, когда существует сама жизнь, он обращен не в прошлое и не может накапливать историю, а существует в настоящем».

Модальность является языковой универсалией, она принадлежит к числу основных категорий естественного языка, в языках европейской системы она, по словам В. В. Виноградова, охватывает всю ткань речи.

В лингвистике под модальностью понимают функционально–семантическую категорию, выражающую разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого.

Термин «модальность» используется для обозначения широкого круга явлений, неоднородных по смысловому объему, грамматическим свойствам и по степени оформленности на разных уровнях языковой структуры.

Модальность, прежде всего, проявляется в предложении, включающее в себя, как существенный конструктивный признак, модальное значение, т.е. содержит в себе указание на отношение к действительности. Категория модальности предложения принадлежит к числу основных, центральных языковых категорий, которая «ярче всего и многообразнее выражается интонационным способом».

Специфическими признаками вводных конструкций в традиционной грамматике признаются:

1) отсутствие грамматической связи вводных слов с другими членами предложения;

2) функция вводных слов – модальная, экспрессивная и эмоциональная оценка сообщения, т.е. выражение субъективного отношения говорящего к сообщаемому. Вводные конструкции являются одним из средств выражения синтаксической модальности, той категории, в которой, наряду с категорией времени, лица, проявляется предикативность предложения.

Предпринятый анализ предложений вводными конструкциями доказывает положение о том, что эти предложения не являются осложненными, как определяет их традиционная грамматика, поскольку в них не обнаруживается ни дополнительной предикативности, присущих предложениям с обособленными членами, ни внутрирядных отношений, характерных для предложений с однородными членами.

Предложения с вводными конструкциями мы рассмотрели с позиций семантического синтаксиса, обращающего внимание на выражение в предложении явлений как объективного мира, так и внутреннего мира человека, на соотношение объективного мира, познания человеком и способности человека к психической оценке познаваемого.

В предложениях с вводными конструкциями обнаруживается сложная структурно – семантическая организация: в них информация об объективной действительности соединяется с информацией субъективной, идущей от говорящего. Асимметрия формы и содержания анализируемых предложений обусловлена функционированием в них вводных конструкций с субъективной семантикой, эксплицирующей позицию говорящего.

Функционирование вводных конструкций в данных предложениях создает асимметрию формы и содержания этих предложений. Вводные конструкции значительным прагматическим потенциалом и играют существенную роль в предложении, расширяя его семантический объем и коммуникативное пространство за счет сокращения языковых средств.

В предложениях с вводными конструкциями присутствуют объективный (диктум) и субъективный (авторизация) компоненты смысла. Авторизованные конструкции, выражаемые вводными единицами, входят в диктум предложения, т.е. в основное сообщение, референтом которого является ситуация действительности. Включенность авторизованных конструкций в диктум предложения обуславливает тот факт, что предложение в целом является полипропозитивным: в нем содержится информация о каком-либо событии реальности и указание на источник, характер данной информации. Вводные

единицы, в отличие от других авторизованных конструкций, не являются членами предложения, так как грамматически не связаны ни с одним словом предложения.

Вводные конструкции, выражающие модусные смыслы, в отличие от авторизованных единиц, не входят в диктум предложения, а сопровождают, обрамляют его, дополняют семантику предложения, не влияя на его структуру. Наличие вводных модусных конструкций в предложении обуславливает асимметрию их формы и содержания: в нем содержится информация о каком-либо событии реальности и субъективная его оценка. Вводные модусные единицы, как и вводные авторизованные конструкции, не являются членами предложения, так как грамматически не связаны ни с одним словом предложения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М., 1999. – 896 с.
2. Кожина М.Н. Стилистика текста в аспекте коммуникативной теории языка. Межвузовский сборник научных трудов. – Пермь, 1987. – 101 с.
3. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке. – М.: Наука, 1975.
4. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – Изд. 3-е. – М., 2004. – 576 с. // Электронный адрес ресурса: <http://www.classes.ru/grammar/174>.
5. Грамматика современного русского литературного языка. – М., 1970.
6. Русский язык: Энциклопедия. – М.: Сов. энциклопедия, 1979. – 432 с.
7. Русская грамматика. Т.1-2. – М., 1980.
8. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н.Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.
9. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – 139 с.
10. Коркина Е.И. Наклонение глагола в якутском языке. – М., 1970.
11. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. – Л., 1978. – 387 с.
12. Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка. – М.: Высш. школа, 1973. – 423 с.
13. Скобликова Е.С. Современный русский язык: Синтаксис простого предложения. – М.: Просвещение, 1979. – 236 с.
14. Овсяннико-Куликовский Д.Н. Синтаксис русского языка. – СПб: Изд. Д.Е. Жуковского, 1912. – 312 с.
15. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7. – М., 1956. – 511 с.
16. Грамматика русского языка. Т.II. Ч.1 – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 719 с.
17. Распопов И.П. К вопросу о предикативности // Вопросы языкознания. 1958. – № 5. – С. 70–77.
18. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: Логико–семантические проблемы. – М.: Наука, 1976. – 383 с.
19. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М.: Наука, 1982. – 368 с.
20. Золотова Г.А. Очерки функционального синтаксиса русского языка. – М.: Наука, 1973. – 351 с.
21. Грепель М. К сущности типов предложений в славянских языках // Вопр. языкознания. 1967. – № 5. – С. 60–68
22. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М.: Высш. школа, 1972. – 614 с.
23. Современный русский язык / Белошапкова В.А., Милославский И.Г., Панов М.В. – М.: Высш. школа, 1981. – 560 с.
24. Буланин Л.Л. Трудные вопросы морфологии. – М., 1976.

- 25.Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т.III. – М.: Просвещение, 1968. – 551с.
- 26.Овсяннико-Куликовский Д.Н. Синтаксис русского языка. – СПб: Изд. Д.Е. Жуковского, 1912. – 312 с.
- 27.Савчиц Н.Е. Вводные конструкции в русском языке Петровской эпохи: прагмалингвистический аспект: Автореф. дисс... канд. филол. наук. – Алматы, 2001. – 30 с.
- 28.Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М., 1998. – 528 с.
- 29.Распопов И.П., Ломов А.М. Основы русской грамматики. – Воронеж, 1984.
- 30.Акимов Г.Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. – М.: Высш. школа, 1990. – 168 с.
- 31.Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). – М., 1996. – 464 с.
- 32.Лопатюк М.В. Ситуативная модальность в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» и в его испаноязычном переводе (функционально-семантический анализ): автореф. ... дис. канд. филол. наук. Калининград, 2009.
- 33.Логический анализ языка: Истина и истинность в культуре и языке. – М., 1995.
- 34.Гладров В. Модальные слова. К вопросу о частях речи // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство / Сб. в честь Е.С. Кубряковой. – М., 2009. – С. 239–248.
- 35.Щелкунова Е.С. Публицистический текст в системе массовой коммуникации: учеб. пособие. – Воронеж: Родная речь, 2004. – 194 с.
- 36.Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 136–137.
- 37.Солганик Г.Я. Автор как стилиобразующая категория публицистического текста // Вестник Моск. Ун-та. Сер. 10. Журналистика. – М., 2001. – № 3.
- 38.Валгина Н.С. Теория текста: Учебное пособие. – М.: Логос, 2003. – 280 с.
- 39.Уледов А.К. Структура общественного сознания. – М., 1968.
- 40.Стюфляева М. И. Человек в публицистике: (Методы и приемы изображения и исследования). – Воронеж, 1989.
- 41.Скуленко М. И. Убеждающее воздействие публицистики. – Киев, 1986.
- 42.Калачинский А. В. Аргументация публицистического текста. – Владивосток, 1989.
- 43.Кирнос Д. И. Индивидуальность и творческое мышление. – М., 1992.
- 44.Старуш М. И. Авторское «Я» в публицистическом произведении: Автореф. канд. дис. – М., 1985.
- 45.Краткий словарь по логике /Под. ред. Д.П. Горского. – М., 1991.
- 46.Свинцов В.И. Логика. – М., 1987.
- 47.Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. – М.: Наука, 1976. – 383 с.
- 48.Русская грамматика. Т.2. – М.: Наука, 1982. – 709 с.
- 49.Гак В.Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики. – М.: Наука, 1973.

50. Колшанский Г.В. Коммуникативная грамматика и лингвистическая интерпретация категорий субъекта и предиката // Известия АН СССР. Сер. литер. и яз. 1979. – № 4. – С.318–322.
51. Ломтев Т.П. Общее и русское языкознание: Избранные работы. – М., 1976. – 381 с.
52. Распопов И.П. Несколько замечаний о так называемой семантической структуре предложения // Вопросы языкознания. 1981. – № 4. – С. 24–34.
53. Шмелева Т.В. Предложение и ситуация в синтаксической концепции Т.П.Ломтева // Филол. науки. 1983. – № 3. – С.42–48.
54. Шмелева Т.В. Семантический синтаксис. Текст лекций. – Красноярск, 1988. – 54 с.
55. Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. – М.: Изд-во МГУ, 2000. – 502 с.
56. Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. – М.: Наука, 1972. – С.95–113.
57. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка: Пер. с франц. – М., 1955. – 416 с.
58. Бенвенист Э. Общая лингвистика: Пер. с франц. – М.: Прогресс, 1974. – 447 с.
59. Колосова Т.А. Русские сложные предложения асимметричной структуры. – Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1980. – 164 с.
60. Прияткина А.Ф. Русский язык. Синтаксис осложненного предложения. – М.: Высш. школа, 1990. – 176 с.
61. Седельников Е.А. Структура простого предложения с точки зрения синтагматических и парадигматических отношений // Филол. науки. 1961. – № 3. – С.66–77.
62. Белошапкина В.А., Шмелева Т.В. Глагольные безличные предложения в синтаксической системе русского языка // Исследования по семантике. – Уфа, 1985. – С.34–47.
63. Клобуков Е.В. Об объеме деривационной парадигмы предложения // Деривация и текст. – Пермь, 1984. – С.78–87.
64. Черемисина М.И., Колосова Т.А. Очерки по теории сложного предложения. – Новосибирск: Наука, 1987. – 217 с.